

А.Ю. БЫКОВ

*Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
(E-mail: baju72@mail.ru)*

К вопросу о восстании 1916 г. в Астраханском, Степном и Туркестанском губернаторствах

Статья посвящена восстанию 1916 г., охватившему юго-восточные губернии Российской империи и ставшему самым массовым за период вхождения данных регионов в ее состав. Рассматриваются вопросы общего контекста, в рамках которого развивались события, причины восстания, его основные события и последствия. Предпринята попытка синтеза имеющихся источниковых и исследовательских данных сквозь призму авторского видения процессов. Новизна определяется как попыткой уйти от односторонних оценок событий лета 1916 — весны 1917 гг., так и попыткой новой оценки изменения социально-демографического состава населения накануне восстания и его итогов, в том числе в формате судебных процессов не только над повстанцами, но и над теми, кто участвовал в ликвидации его очагов с нарушением существовавших в тот период правовых норм. События восстания вписываются в мировой контекст — Первой мировой войны, противостояния стран Антанты и Четверного союза, а также в государственный контекст, в том числе формирования новой политической системы, постепенно включавшей представителей национальных элит в общероссийские политические процессы, в том числе появление и деятельность политических партий, включение в парламентскую деятельность и возникновение автономистских течений в национальных окраинах. Проанализированы как различия подходов повстанцев в различных очагах восстания, так и вариабельность реакции правительства и представителей региональной администрации (губернской и областной) на происходившие события: от вооруженного противостояния до компромиссного взаимодействия.

Ключевые слова: Восстание 1916 г., национальная элита, Первая мировая война, Российская империя, Степной край, Туркестанский край, административная политика, очаги восстания, воинская повинность, мобилизация на тыловые работы, откочевка в Синьцзян и Персию.

Введение

Восстание 1916 г. в различные периоды исследователями разных стран, придерживающимися различных методологических концепций, трактовалось и трактуется по-разному. Это один из самых дискуссионных вопросов истории центральноазиатского региона в составе Российской империи. Разночтения касаются этноконфессионального и социального состава участников; его географии и массовости, степени взаимодействия и взаимовлияния отдельных очагов друг на друга; причин, характера, периодизации; а самое главное — общей оценки. Причем разночтения начали фиксироваться еще в ходе самого восстания. В работах встречались следующие характеристики: антиправительственные выступления, волнения, протестные движения, мятежи, бунт инородцев, джихад, восстание, национально-освободительное восстание, национально-освободительное движение, национально-освободительная революция, антиколониальное движение, антиколониальная революция, перерастающее в буржуазно-демократическую и социалистическую революцию восстание, приведшее к временной реставрации ханской власти консервативно-монархическое движение и др. Наиболее часто применявшиеся определения — восстание и национально-освободительное движение. Запрос на популярность этих названий в РИНЦ демонстрирует, что в названиях свыше 17 тыс. статей, вышедших после 2013 г., использовался термин «восстание», а свыше 80 тыс. статей имели в своем названии определение «движение» [1]. Трактовка этих терминов различными словарями весьма неоднозначна, и далеко не все авторы дают собственное определение используемых ими понятий или ссылаются на тот источник, который позволил им характеризовать событие или процесс. Часто даже в одной работе по отношению к событиям 1916 г. используются разные термины. Поэтому чаще всего использование того или другого термина тем или иным автором является условным, но при этом используемый терминологический аппарат, несомненно, влияет на ход самого исследования, смысловое восприятие читателями и интерпретацию другими исследователями. В настоящей статье будет использовано обобщенное понятие «восстание». Современный российский политолог М.Ю. Зеленков дает следую-

* Автор-корреспондент. E-mail: baju72@mail.ru

щее определение: «Восстание — это открытое выступление каких-либо социальных групп или классов против политической власти (ему присущ определенный уровень организованности, определенные цели, которые обосновываются в программах или лозунгах восставших)» [2; 150]. Близкое по смыслу определение дается и в Кембриджском словаре, в котором понятие «восстание» («uprising») трактуется следующим образом: «Акт противостояния, иногда с применением насилия, со стороны многих людей в одном регионе страны против тех, кто находится у власти» [3].

Материалы и методы

Основу источникового комплекса составили русскоязычные опубликованные источники и материалы, а также введенные в научный оборот предыдущими авторами данные, в меньшей мере привлечались неопубликованные источники из фондов Государственного архива Российской Федерации.

Основной задачей настоящего исследования является попытка собственного субъективного анализа происшедших событий в свете их взаимосвязи с глобальными процессами — Первой мировой войной, модернизационными процессами и реакцией на них традиционного общества, а также с элементами кросс-регионального подхода. Понимая ограниченность субъективного подхода, при анализе фактов и источников применялись методы внутренней критики источника и сравнительно-исторические методы исследования.

Результаты

Для понимания самого события крайне важным представляется понимание контекста. А он был следующим. 28 июля 1914 г. началась Первая мировая война, в которую было вовлечено 38 из 59 существовавших тогда независимых государств. Численность воюющих армий превысила 37 млн человек. Это был крупнейший вооруженный конфликт. Конфликтов такого масштаба до того момента никогда не было.

Российская империя принимала участие в войне на стороне блока Антанты. 29 июля в России была объявлена частичная, а 30 июля — всеобщая мобилизация. Как и другие страны, Россия увидела серьезный конфликт и готовилась к нему, но военное руководство рассчитывало, что конфликт продлится 4-5 месяцев [4; 77], пессимистический прогноз политического руководства предполагал ее длительность до одного года. Соответственно на этот краткосрочный период рассчитывались запасы вооружения, боеприпасов, продовольствия, фуража и т.п., а также объемы промышленного и сельскохозяйственного производства. Прогнозы оказались ошибочными. Война завершилась только в 1918 г., и к этому времени уже не было самой Российской империи. Военные потребности вынудили перестройку армии, промышленности и других сфер на военный лад. Потребовались многочисленные экстраординарные меры, приведшие к ухудшению материального положения населения, росту налогов и социальной напряженности. В значительной степени именно ход Первой мировой войны спровоцировал назревание революционной ситуации в Российской империи, а затем и в пришедшей ей на смену Российской республике. Изменение внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации коснулось не только западных окраин, где проходили военные действия, и не только Европейской части империи, где были сосредоточены основные материально-технические и человеческие ресурсы, но и всех регионов Российской империи.

В Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах в годы Первой мировой налоги и сборы возросли примерно в 1,5 раза. Проводилась реквизиция скота, продовольствия и фуража. В экстраординарном порядке мог быть мобилизован гужевой транспорт — лошади и верблюды. Власти настаивали на увеличении площадей под посевы хлопчатника, который использовался для производства боеприпасов, в ущерб развитию других посевных культур. Вводилась фактически обязательная подписка на государственный внутренний займ и др. В условиях войны нарастала инфляция, в первую очередь дорожали продукты питания (до 600 %) [5; 287]. Для некоторых социальных групп центральноазиатского региона налоги в годы Первой мировой войны выросли в 15 раз. Все это ухудшало жизнь населения региона, безотносительно этнической и религиозной принадлежности.

Помимо государственных среди местного населения также проводились сборы общественными организациями. По сведениям Г.И. Бройдо, только киргизами Пишпекского уезда в ноябре-декабре 1914 г. было передано Красному Кресту 30000 руб., ок. 1 тыс. шуб, 10 тыс. пайнаков. Киргизы якобы сами обложили свои семьи сборами в 1–3 руб. в пользу Красного креста, на нужды фронта безвозмездно передавались юрты, которые до железной дороги доставлялись киргизами также безвозмездно. На байгах помимо традиционных призов стали устраивать сборы на нужды фронта, причем этот

процесс контролировался полицией. Производились реквизиции скота. Так, только из с. Ново-Николаевском было безвозмездно передано на военные нужды 90 лошадей [6; 19]. Неконтролируемые сборы велись во многих уездах.

В Закаспийской области только деньгами от населения за первые два года Первой мировой войны было получено 1187627 руб., для нужд армии было вывезено 6372 лошади, 12805 верблюдов, 200 ишаков, 299 арб, 1659 кибиток и другое имущество. При этом реквизиция движимого имущества среди туркмен производилась на возмездной основе по специально утвержденным ценам, утвержденным в 1911 г. [7; 14, 43], не учитывавшим уровень инфляции.

Земельные изъятия в Переселенческий и Запасной фонды, самозахваты и многочисленные нарушения в ходе землеотводных работ вызывали возмущение местного населения. Неофициальные поборы чиновников касались всех социальных и этнических групп населения. В годы войны это становилось особо заметным и вызывало возмущение. Мобилизация значительной части мужского населения переселенческих и казачьих поселений на фронт привела к существенному сокращению посевных площадей. Ситуация дополнялась засухой в ряде районов. Фактически надвигался голод.

В Российской империи неевропейские народы Степного и Туркестанского генерал-губернаторств были освобождены от отбывания воинской повинности. Исключение составляли представители администрации, несколько десятков жителей городов, записавшихся в другие сословия, а также казахи, вступившие в казачье сословие. Это освобождение рассматривалось как представителями администрации, так и самими жителями в качестве льготы. Лишь после Первой русской революции ряд представителей нарождавшейся национальной политической элиты стал выступать за предоставление местному населению права несения воинской службы. В частности, будущие лидеры Алаш видели в этом шаг к общегражданскому равноправию, а также одно из условий, которое могло позволить претендовать на образование национально-культурной или национально-территориальной автономии в составе России. 3 августа 1916 г. редактор газеты «Казак», вокруг которой спланивалась казахская интеллигенция, на встрече с тургайским губернатором выразил пожелание сформировать из казахов конные отряды, «наподобие казацких частей и направить нас на фронт» или «снабдить нас ружьями и иными военными принадлежностями и отправить нас в ряды пехотных частей» [8; 39-40].

В 1911 г. комиссия при Туркестанском генерал-губернаторе высказалась против привлечения местного населения к отбыванию воинской повинности «из-за неблагонадежности» и возможного недовольства. Притом в освобождении мусульманского населения от воинской повинности виделось ущемление русского населения, которое такую повинность отбывало. Поэтому уже в то время предлагалось облагать нерусские народы края особым военным налогом, который был введен правительством лишь в 1915 г. [9; 183-184]

В 1870-х г. 90 % призывников в русской армии составляли славяне [10; 439]. В начале XX в. изменения в этом вопросе произошли незначительные. Русский опыт комплектования вооруженных сил отличался от западноевропейского. Великобритания и Франция активно привлекали к участию в военных действиях представителей колоний. Показательным примером этого служит отправка Великобританией за первые 9 месяцев 1915 г. из Индии на Западный фронт свыше 200 тыс. солдат [11; 76]. К службе в русской армии привлекались представители лишь нескольких мусульманских народов.

Единственным центральноазиатским народом, принимавшим непосредственное участие в военных действиях Первой мировой войны, были туркмены. Туркменский конный полк (с 1916 г. — Текинский конный полк, чаще встречается как Текинский кавалерийский полк) был добровольческим, сформированным на средства туркменского населения, он прославился храбростью своих бойцов, притом, что большая часть из них даже не знала русского языка. Он участвовал в сражениях 1914–1917 гг. Многие бойцы получили правительственные награды: 35 человек были награждены медалями за храбрость, а 26 человек получили высшую воинскую награду того времени — Георгиевский крест. Полк участвовал в крупнейших сражениях на австро-германском фронте, в том числе в Брусиловском прорыве, где под Похорлоуцем полком была разгромлена целая дивизия. Статус легендарного подразделения он получил после того, как сумел смять германскую дивизию, в составе которой был элитный Королевский Шведский полк [12; 9–60].

Мобилизация среди казачества Степного края началась в 1914 г. Сибирское казачье войско к этому времени насчитывало ок. 172 тыс. казаков с центрами управления в Омске, Кокчетаве и Усть-Каменогорске. У них было двойное подчинение: Степному генерал-губернатору и командующему Омского военного округа, однако, поскольку губернатор возглавлял и военный округ, то эта двойственность была условной. Несмотря на весьма серьезную численность казачества, большая его часть

являлась землепашцами, будучи резервистами. Служилых к началу войны было 9563 рядовых чина и 996 офицеров. К 1 января 1915 г. уже было мобилизовано 178 офицеров и 10788 рядовых казаков. То есть на фронт были направлены все служилые рядовые казаки, и началась мобилизация новобранцев. В первый год войны на фронт было призвано из региона ок. 40 тыс. новобранцев. Помимо мобилизованных, в России развивалось добровольческое патриотическое движение. «Охотники», как называли добровольцев, были и в Омском военном округе. Среди добровольцев были даже 15-летние дети и женщины. Только за 1914 г. в Омском военном округе было сформировано и отправлено на фронт 4 Сибирских стрелковых полка, стрелковая дивизия, 11-я Сибирская стрелковая парковая артиллерийская бригада, 1-я и 2-я отдельные Сибирские мортирные батареи, 4-й Сибирский саперный батальон, 4-й и 5-й Сибирские казачьи полки, 4 запасных госпиталя и ряд других подразделений. В сентябре 1914 г. на передовую выступили штаб 14-й Сибирской стрелковой дивизии, еще четыре Сибирских стрелковых полка, 14-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада и другие части. С учетом мобилизации крестьянского населения только в 1914 г. Омским военным округом было мобилизовано более 300 тыс. человек [13; 38–40] (6 % от всех мобилизованных в Российской империи). В 1915 и начале 1916 гг. мобилизация продолжалась практически теми же темпами.

В первые дни войны на фронте оказались 1-й и 2-й Астраханские казачьи полки, две отдельные сотни, казачья батарея и лейб-гвардии казачий взвод [14].

Из Тургайской и Уральской областей и соседних регионов на фронт было мобилизовано свыше 160 тыс. человек, в том числе ок. 35 тыс. оренбургских казаков (7 % от общей численности войскового населения и 31,5 % мобилизационных ресурсов войска), 13175 уральских казаков и 710 офицеров [15; 74–82]; [16; 35–45]; [17; 45–51].

Аналогичная ситуация была и в Туркестанском военном округе. Уже 15 сентября добровольческий 1-й Туркестанский корпус вступил в бой в районе крепости Осовец. Из состава Семиреченского казачьего войска было сформировано и отправлено на фронт 3 конных полка и 13 отдельных (особых) сотен [18; 29–31].

С учетом казачьих формирований, добровольческих подразделений, самовольно уехавших на фронт, а также мобилизованных из центральноазиатского региона на фронты Первой мировой войны и в резервные воинские подразделения отправилось ок. 600 тыс. чел. Причем это было наиболее подготовленное в военном отношении население, кроме того, в подавляющем большинстве случаев это были мужчины трудоспособного возраста («кормильцы»). С учетом того, что русское население в регионе составляло меньшинство, а мобилизовано было в 3 раза больше, чем количество мобилизованного на тыловые работы нерусского населения, этноконфессиональный и гендерный баланс в регионе резко изменился. Частично он восполнялся эвакуируемыми из прифронтовой полосы, но их поток в Степной край был невелик, и концентрировались они преимущественно на территории Южного Приуралья. В Туркестан была лишь одна волна беженцев — после поражения русских армий в 1915 г. Их число составило ок. 70 тыс. человек, преимущественно женщин и детей. Одна из «ошибок», о которых сожалел генерал Куропаткин, состояла в том, что на нужды фронта было реквизировано огнестрельное оружие, находившееся в руках крестьян-переселенцев. Только в Туркестанском генерал-губернаторстве было изъято 7,5 тыс. единиц [19; 60].

Мобилизация мужского населения наиболее трудоспособных возрастных групп серьезно ослабляла экономический потенциал региона, что влияло на ухудшение внутривнутриполитической ситуации в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах.

Таким образом, комбинация объективных и субъективных факторов оказалась такой, что внутри местных сообществ в Степном и Туркестанском краях назревало недовольство существующей социально-экономической и внутривнутриполитической ситуацией, ростом налогов, цен, ухудшением материального положения, коррупцией, особо остро стоял земельный вопрос, вызванный, в первую очередь, изъятиями из оборота значительных территорий в рамках столыпинской аграрной реформы. Протестный потенциал возрастал в течение первых военных лет во всех областях, но проявлялся в различных районах и конкретных населенных пунктах весьма неравномерно. Параллельно с этим в условиях войны и мобилизации значительной части военнообязанного русского мужского населения ослабевали ресурсы силового сдерживания ситуации. Определенную роль в нагнетании ситуации играли симпатии части местного населения к иностранным государствам, в том числе воевавшим в тот период против России.

Так, в донесениях Туркестанского охранного отделения за 1915 г. сообщалось, что во время «молитвенных собраний» идет тайный сбор средств для направления в Турцию. Кроме того, ведется

протурецкая агитация, особенно сильная в Ферганской области, а «престиж русской власти совершенно подорван благодаря корыстолюбию чиновников» [20; 303].

В Степных областях мусульманские настроения были намного слабее, но и здесь были приверженцы протурецкой ориентации. Известны письма казаха Тургайской области, шакирда Уфимского медресе. Во время Второй Балканской войны он нелегально перебрался в Стамбул, помогал раненым на войне единоверцам и планировал принять участие в военных действиях на турецкой стороне. Жители Степного и особенно Туркестанского губернаторств участвовали в сборе средств для Красного Полумесяца с целью помощи единоверцам. В годы Первой мировой войны такая деятельность была продолжена [21; 130-131]. Значительная часть центральноазиатского населения выражала открытую или чаще скрытую симпатию не странам Антанты, а Оттоманской империи [22; 118]. Российское мусульманское население симпатизировало пленным туркам. Правда, в Туркестанском крае их не содержали, но они были в ряде городов Степного края, в том числе в Омске и Петропавловске, а также в ряде пограничных со Степным генерал-губернаторством городов.

Вместе с тем преувеличивать турецкий фактор в восстании 1916 г. не следует. Он играл незначительную роль. Это было подчеркнуто в том числе в выступлении ревизировавшего Туркестанский край на тот момент депутата Государственной Думы А.Ф. Керенского. Он обращал особое внимание на то, что в Степном крае фактор панисламизма играл еще меньшую роль, чем в Туркестане [23; 119].

Повстанцы из Самаркандской области и симпатизировавшие протестовавшим ташкентские мульты рассчитывали, а, возможно, и получали помощь из Афганистана [24; 161, 188-189]. Однако афганский фактор имел еще меньшее влияние, чем турецкий.

Во многих городах региона размещали пленных венгров, австрийцев, чехов, словаков и немцев. Обычно они не содержались под стражей, а жили «на свободном поселении» [21; 205–213]. Первая партия военнопленных прибыла в Туркестан в сентябре 1914 г. У местного населения это создавало иллюзию слабости российской власти. Отправка значительной части мужчин крестьянского и казачьего сословий на фронт из региона усиливала это ощущение. У части нерусского населения постепенно складывалось восприятие обстановки таким образом, будто происходит существенное ослабление русского военного и административно-политического влияния в регионе. Наплыв военнопленных, а к началу 1916 г. их в Туркестане было ок. 200 тыс., помимо прочего, усиливал дефицит продовольственных товаров. В ряде городов военнопленные стали основной частью населения, как, например, в Скобелеве, где в конце 1915 г. было 7 тыс. гражданского населения, 2 тыс. представителей русского гарнизона и 15 тыс. военнопленных. Осознавая угрозы, российские власти начали перевод военнопленных из Туркестана в другие регионы, но к началу 1917 г. их еще оставалась в крае ок. 42 тыс. человек [20; 302-303]. Среди военнопленных, дислоцированных в Туркестане, были обнаружены агенты австро-германской разведки [9; 81].

Германские спецслужбы безуспешно пытались использовать общину, немцев-меннонитов, проживавшую в Туркестане. В 1916 г. община «открыто оказала помощь мусульманским повстанцам оружием и провиантом, стараясь ослабить тем самым позиции властей в Средней Азии» [25; 91].

В целом в юго-восточных окраинах сложилась тяжелая социально-экономическая и политическая ситуация, когда достаточно было малейшего повода для перерастания скрытых антиправительственных настроений в активные выступления, причем не только мирного, но и вооруженного характера.

В то же самое время ситуация на фронтах складывалась для России так, что постоянно требовалось пополнение военнослужащими до 300 тыс. новых бойцов ежемесячно. Также необходимо было расширение штата тех, кто обеспечивал бы фронт фортификационными сооружениями, коммуникациями и работал бы на предприятиях. Дефицит рабочих ко второму кварталу 1916 г. составлял ок. 400 тыс. человек, но Штаб требовал срочно привлечь до 1 млн рабочих [26; 290-291].

В этих условиях на высшем уровне было принято решение о привлечении к тыловым работам нерусского, или инородческого, как его тогда официально именовали, населения. 25 июня 1916 г. был издан подписанный императором Николаем II указ о привлечении мужского инородческого населения империи на тыловые работы [27; 25-26].

По решению генерал-губернатора Степного края Н.А. Сухомлинова на мобилизацию должно было быть направлено из Тургайской области 47000, из Акмолинской — 43860, из Семипалатинской — 60000 чел. Кроме того, из Уральской области к 1 декабря 1916 г. на тыловые работы было направлено 16900 чел. То есть всего из Степного генерал-губернаторства планировалось направить на тыловые работы ок. 170 тыс., хотя в ряде сообщений фигурировала цифра в 230 тыс. чел. Из Внутренней

орды было мобилизовано не менее 3300 чел. [28; 28]; [29; 271–285]. Генерал-губернатор Туркестанского края А.Н. Куропаткин первоначально планировал направить на тыловые работы 220000 чел. По данным Т. Рыскулова: «220.000 человек по областям были распределены следующим образом: на Сыр-Дарьинскую область — 60.000, Самаркандскую — 32.407, на Ферганскую — 51.233, Семиреченскую — 43.000 и Закаспийскую — 13.830» [30; 5]. Суммарно в разных источниках и исследованиях фигурировали цифры мобилизации нерусского населения Туркестана и киргизов (казахов) Степи от 393 до 480 тыс. чел. [22; 119]; [31; 273]. Как показал в своем исследовании А.В. Ганин, даже официальные потребности в мобилизованных постепенно снижались, причем это снижение в Туркестанском крае превысило 40 % от первоначальных планов [32; 157]. Аналогичным образом складывалась ситуация и в Степном крае.

Решение о начале мобилизации на местном уровне было принято в июле. Сопrotивление местного населения, административная дезорганизованность и другие факторы привели к тому, что на практике приступить к систематической мобилизации удалось только в сентябре 1916 г. Первоначально предполагалось проводить мобилизацию инородческого мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет, т.е. того же возраста, что и призывавшихся по мобилизации на фронт, но очень скоро возрастной ценз был понижен до 31 года. От мобилизации освобождались представители туземной администрации, духовенства, служащие правительственных организаций, транспорта, горнодобывающей промышленности, предприятий, связанных с оборонной промышленностью, в том числе хлопководческих и хлопкоочистительных производств, а также учащиеся средних и высших учебных заведений.

А. Букейханов отмечал, что при мобилизации фиксировались массовые нарушения установленных правил. В частности, на работы отправляли 15-летних подростков и стариков; из одной семьи могли взять единственного кормильца или двух, трех, а то и четырех мужчин; вместо детей богатых отправлялись «нанятые люди», многие «реквизированные», несмотря на строжайшее распоряжение отправлять только здоровых, были больными [33].

Фактически было отправлено на тыловые работы значительно меньшее число людей, чем предполагалось генерал-губернаторами в начале процесса. В частности, из Туркестанского генерал-губернаторства до Февральской революции 1917 г. было направлено 123305 чел., т.е. менее половины от проектированного числа. Точных данных по мобилизованным из Степного генерал-губернаторства нет. Исследователи приводят разные цифры, вплоть до 180 тыс. человек. Наиболее достоверными представляются оценки А. Букейханова, который возглавлял инородческий отдел Земгорсоюза* [34] и имел непосредственное отношение к процессу мобилизации на тыловые работы. По его мнению, было направлено 100–120 тыс. казахов [28; 34–35]. Притом что от 40 тыс. до 50 тыс. из этого числа составляли жители Туркестанского края, т.е. набор из Степного края составлял ок. 80 тыс. чел. Кроме того, под мобилизацию попало свыше 4 тыс. представителей малочисленных народов (дунгане, уйгуры и др.). То есть общее число мобилизованных во второй половине 1916 — начале 1917 гг. из центральноазиатского региона можно оценить в 180–210 тыс. чел. Это в 1,9–2,7 раза меньше планировавшегося, но все равно представляет огромную цифру, превышая 5 % от возрастной группы мужского населения, указанного в правилах о мобилизации.

Осуществлялась мобилизация двух типов: на строительство оборонительных сооружений и военного сообщения в прифронтной зоне и в глубоком тылу на оборонных предприятиях и в других организациях, связанных с обеспечением армии. Примерно 2/3 мобилизованных находились в ведении Земгорсоюза, остальные — в ведении Верховного главнокомандующего, различных министерств и ведомств. 16 октября 1916 г. была образована «Инспекция инородческих рабочих дружин», руководителем которой был назначен генерал-майор Еникеев, заместителем — полковник Джурабеков, оба уроженцы Туркестана. В августе 1916 г. было решено направлять переводчиков в места проведения тыловых работ для облегчения понимания между рабочими и руководством.

Мобилизация проходила в два этапа. Первый охватывал период июля–октября, но отправки начались с середины сентября. С середины декабря 1916 г. начался второй этап мобилизации, продлившийся до марта 1917 г. Объем этого этапа планировался меньшим по сравнению с первым. Из Туркестана предполагалось отправить 23 эшелона с мобилизованными рабочими. В декабре было отправ-

* Земско-городской союз был создан в начале Первой мировой войны путем объединения земских и городских союзов для помощи в снабжении русской армии и организации госпиталей. Будучи изначально общественной организацией постепенно Земгорсоюз взял на себя многие властные функции.

лено 3 эшелона из Семиречья, в январе — 15 эшелонов по 1 тыс. человек в каждом. Недовыполнение планировавшихся объемов второго этапа мобилизации по факту составило 80 тыс. человек [35; 76–79]. После Февральской революции мобилизация прекратилась. 14 марта было официальное решение о ее приостановке, а 5 мая Временное правительство постановило вернуть всех мобилизованных на тыловые работы домой [36; 117].

Условия работы «реквизированных» рабочих были чрезвычайно тяжелыми. Это приводило к травмам, болезням, иногда и гибели рабочих. Наиболее частой причиной невыхода на работу было инфекционное заболевание. По отчетам руководителей инородческих рабочих партий, зимой 1916–1917 гг. в среднем не выходило на работу ок. 40 % состава, в отдельных случаях этот показатель мог достигать 70 %. Тяжелое положение мобилизованных вызывало беспокойство даже у депутатов Государственной Думы.

Те, кто находился в прифронтовой зоне, регулярно попадали под обстрелы артиллерии врага. Имелись случаи обращений с просьбой либо отправить домой, либо включить в состав действующих воинских формирований, а также случаи отказа от выхода на работу в условиях угрозы жизни. Такие случаи рассматривались в качестве саботажа, организаторы таких выступлений подлежали суду военного трибунала [28; 32–35].

После обнародования указа о мобилизации на тыловые работы и начала деятельности по его реализации из многих населенных пунктов поступали сообщения о недовольстве местного населения, нежелании его выполнять, либо о нарушениях при его реализации, в первую очередь связанных с составлением списков мобилизуемых, которыми занималась низовая, т.н. туземная, администрация. Богатые и родовитые представители оказывались не включенными в них, в то время как туда были включены имена бедных сородичей, даже если они не соответствовали параметрам мобилизации. Такие случаи носили массовый характер. В сообщении Керенского говорилось даже о «торговле списками» в степных областях [23; 138]. Кроме того, стали распространяться слухи, что под видом мобилизации на тыловые работы осуществляется призыв на фронт. Один из руководителей восставших Атекинской волости Алимкул Таубалдин выдвинул лозунг: «На войну не идти, лучше умереть в борьбе с русскими» [37; 198].

Даже местные власти стали саботировать решение о мобилизации. В частности, ферганский военный губернатор А.И. Гиппиус отказался выполнять распоряжение о мобилизации, тем более что уже 9 июля произошло первое выступление в Андижане после молитвы в мечети Джамии. Он обнародовал собственную трактовку указа, где заявил, что будут призывать только добровольцев и не более чем одного мужчину с 5 дворов. Действия Гиппиуса вызвали неудовлетворительную оценку императора, военного министра и генерал-губернатора. Они осуждались русской патриотической прессой, но нашли поддержку в парламенте. Его «объявления» проникли в соседние области и находили горячий отклик у местного населения, в том числе низовой администрации. 28 июля генерал-лейтенант Гиппиус был отозван в Петроград, но через несколько дней распоряжение отменили и назначили проверку его действий. И все же в середине августа он был отправлен в Тифлис. Но его действия и думская ревизия повлияли на изменение первоначального текста указа о мобилизации и выходе более обтекаемого, позволявшего многозначные трактовки приказа № 220 от 23 августа 1916 г. [38; 8–30]. Более того, депутаты Государственной Думы ходатайствовали о переносе сроков мобилизации на ноябрь 1916 г. как для восстановления спокойствия в крае, так и для успешного завершения сбора урожая хлопка. Было принято половинчатое решение. Срок начала мобилизации был перенесен на 15 сентября [24; 173, 193, 198–204].

Среди местного населения стали распространяться произведения местных акынов (поэтов), передававшиеся из уст в уста и быстро становившиеся популярными, поскольку отвечали на запрос населения, а также потому, что обладали качествами произведений искусства. Так представлены истоки восстания 1916 г. в их стихотворном отображении казахским акыном Нармагамбетом (отрывок стихотворения 1916 г., пер. с каз.) [39; 77].

*...Царь, белый царь, что стало с тобою!
Обманул ты нас, собираешь ты наших джигитов,
И пошли на тебя мы степною войной,
Ведь с горя и трус идет в стан храбрецов.
Ты сперва покушался на веру нашу, насилья чинил,
Не давал ты нам прав наравне с другими людьми,
Ты считал нас безмолвным скотом и рабами!*

Теперь же покушаешься на нашу жизнь...

Далеко не во всех местностях указ о мобилизации на тыловые работы приводил к росту антиправительственных настроений и/или открытым выступлениям. Во многих уездах он был встречен нейтрально или, как докладывал генерал-губернатор Туркестанского края, «индифферентно». В ряде случаев местное население проявляло «верноподданические чувства», поддерживая положения указа и процесс мобилизации. Об этом свидетельствуют, например, решения волостных съезда Верненского уезда Семиреченской области, Черняевского уезда Сыр-Дарьинской области, Дальянской волости Ходжентского уезда, азиатской части Ташкента, представителей Андижана, Коканда, Ура-Тюбе и др. [24; 173–177]. Часто население сначала симпатизировало России в начавшейся войне, но ужесточение налогового режима и неоправданные поборы и издевательство приводило к недовольству не только местной администрацией, но и системой в целом. Так, в прошении киргиз Пржевальского уезда российскому консулу в Кульдже с просьбой оказать содействие людям, сосредоточенным на русско-китайской границе, отмечалось: «Приказывали помогать России, и мы помогали пять раз. Кроме двух налогов, которые мы платили каждый год, на нас еще наложили на каждую юрту по 4 рубля. Взято налога с 80 юрт. Понадобились юрты для армии, попоны для лошадей...» [40; 168].

Среди местного населения имелись идейные лидеры, уже пользовавшиеся к этому времени серьезной популярностью. Они придерживались различных убеждений: от мусульманских деятелей до прокадетски и проэсеровски настроенных представителей нарождавшихся общественно-политических движений и даже представителей социал-демократической ориентации. Часть местной русской интеллигенции также симпатизировала неконформистским настроениям в обществе.

Наиболее яркими национальными лидерами в начале XX в. являлись лица из числа местного населения, избравшиеся в Государственную Думу и имевшие высшее образование. Имея влияние в народе и связи в правительстве, некоторые из них предполагали возможным пересмотр указа о мобилизации. Так, по сведениям астраханского губернатора Соколовского, бывший депутат Второй Государственной Думы Б.А. Кулманов (Колыманов), избравшийся от Внутренней орды, уже в июле «собрав с киргизов (казахов — авт.) большие деньги, отправился в Петроград с целью ходатайствовать об освобождении киргизов от призыва», возлагая «надежду на успех своих ходатайств также и на мусульманскую фракцию Госуд. Думы» [41; 55].

М. Чокаев, А.А. Чайкин (редактор газеты «Туркестанский голос») и У.А. Ходжаев прибыли в Петроград с целью пригласить депутатов Государственной Думы приехать в Туркестан и на месте разобраться с ситуацией. Кроме того, они надеялись на отмену царского указа о мобилизации. После приезда депутатов в Туркестан Ходжаев и Чокаев сопровождали их и появлялись с А.Ф. Керенским и М.-К. Б. Тевкелевым в общественных местах Самарканда, Джизака, Андижана и Коканда [11; 77–79]. В ходе встреч с местным населением они старались устранить присутствие полиции, но за ними все же был установлен негласный надзор, чтобы глава фракции трудовиков не пропагандировал среди местного населения «идеи, противные задачам государственного управления» и не вселял в них «надежды на осуществление их мечтаний националистического характера» [24; 208].

Другие авторитетные казахи, будущие лидеры Алаш, полагали, что местное население готово исполнять указ, но сроки мобилизации не соответствуют особенностям кочевого быта: за 9–15 дней прибыть в пункты мобилизации зачастую физически невозможно. На частном совещании представителей Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, состоявшемся 7 августа в Тургайском областном правлении с согласия губернатора, они указывали, что практика направления казачьих отрядов для контроля хода мобилизации, ставшая ответом на запросы местных волостных управителей о якобы массовом сопротивлении населения мобилизации, вызывает отторжение у местного населения, провоцирует массовые откочевки в соседние уезды и области. Целесообразнее использовать распространенные институты самоуправления в форме съездов уполномоченных от населения. Важнейшим средством избежать волнений они считали перенос сроков начала мобилизации на январь-март 1917 г. Вместе с тем предполагались и другие компромиссные инструменты решения вопроса, нашедшие отражение в представленном тургайскому областному начальству протоколе частного совещания казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей под председательством А. Букейханова: «1. Ввиду изложенного необходимо отсрочить призыв рабочих для северных уездов до 1 января 1917 года, а для южных уездов до 15 марта 1917 года. 2. Призвать в первую очередь одну треть лиц в возрасте 19–31 года, начиная с младшего возраста, так как в этом возрасте наибольшее число несемейных. 3. Прием лиц, проживающих за пределами места приписки, согласно их желанию, производится либо по месту житель-

ства, либо по месту приписки. 4. Оставить в семье одного работника призывного возраста при полуработнике (17 или старше 50 лет). 5. Принятых, по возможности, оставлять на работах по обороне государства на местах. 6. Принятому предоставить право заменить себя другим лицом. 7. На каждое аульное общество оставить по одному мулле. 8. Оставить мугаллима (учителя) на каждые 50 кибиток для обучения детей киргизской грамоте, причем предпочтение должно быть отдано тем, кто имеет шаадат-нам (свидетельство) от медресе. 9. Освободить от призыва учащихся в мусульманских медресах в городах. 10. Старые списки, представленные спешно, неправильны, — нужно их возвратить: избрать комитет, составленный лицами, избираемыми по одному от каждого десятка домохозяев, и поручить этому комитету составление нового списка в присутствии аульного схода. 11. Так как в дело мобилизации волостные управители или претенденты на их должности впутали свои дела по выборам, то необходимо приостановить на время мобилизации производящиеся выборы должностных лиц киргизской администрации. 12. В приемной комиссии с правом голоса должны участвовать по два уполномоченных от каждой волости, уполномоченные участвуют в приемной комиссии при приеме рабочих своей волости. 13. Принятым рабочим предоставить право соединяться в артели в 30 человек. При артели должен быть переводчик, и на 10 артелей один мulla. 14. Заболевшие рабочие пользуются медицинским уходом наравне с ранеными. 15. Рабочие киргизы должны быть в ведении учреждений городского и земского союзов. О правах и обязанностях учреждений, заведующих рабочими киргизами, должна быть издана инструкция. 16. Для доставления рабочим одежды и провизии с мест должны быть даны бесплатные вагоны в необходимом количестве и пропуск двум лицам от каждой волости. 17. По уважительным причинам, по мере надобности, киргизы-рабочие пользовались бы отпуском. 18. Об изложенном совещание постановило ходатайствовать перед правительством» [24; 60-61].

Подавляющее большинство представителей российской администрации на местах и в Петрограде были уверены в лояльности местного населения. Прежде выступления бывали, недовольство выражалось, но все эти события не выходили за рамки того, что было в других регионах империи. Местное оседлое, а особенно кочевое население рассматривалось в качестве оплота спокойствия. Считалось, что распространение «гражданственности» на юго-восточных окраинах приобрело необратимый характер и в целом отражало не только стремление администрации, но и основной массы местного населения. Военный губернатор Самаркандской области Н. Лыкошин отмечал, что это было ошибкой: властям не удалось «убедить население в преимуществах русской культуры и русской гражданственности» [20; 312].

Стихийные выступления начались уже в июле. В Самаркандской области власти зафиксировали 25 выступлений, в Сырдарьинской — 20 и в Ферганской — 86. Наибольшую известность приобрели ходжентские события 3-4 июля, весть о которых разнеслась по Туркестану. Здесь поводом стало требование отложить начало мобилизации до завершения священного для мусульман месяца Рамадан, который длился в том году до 19 июля [42; 52]. Широкою известность приобрел и «бабий бунт», когда навстречу казачьему отряду вышли женщины с непокрытыми лицами с просьбой убить их, но освободить от поборов и голода. Этот эпизод рассматривался даже в Государственной Думе [23; 115], ряд фракций которой стал в оппозицию правительству.

Непродуманность решения о мобилизации на тыловые работы стала понятна в правительстве достаточно скоро. В этих условиях в конце июня-июле вместо попыток выработать совместное решение, каким образом в кратчайшие сроки и с наименьшим ущербом купировать проблему, министерства и ведомства стали перекладывать ответственность за ситуацию друг на друга: МИД и Военное министерство на МВД, центральные органы на местные и наоборот [20; 308-309]. В результате поступали противоречивые указания из центра, а местные власти пытались действовать в соответствии с обстоятельствами или, точнее, с собственным представлением о них.

Попытку прекратить стихийные выступления против мобилизации на тыловые работы административными мерами в июле предпринял генерал-губернатор Степного края Н.А. Сухомлинов. 12 числа последовало распоряжение о привлечении к строгой ответственности лиц за агитацию против призыва на тыловые работы, 19 — о наказании смертной казнью оказывающих вооруженное сопротивление, а 21 — о запрете стачек, забастовок и изъятии у коренного населения оружия [43; 157]. Эти распоряжения не привели к умиротворению в степи, напротив, внесли дополнительную путаницу и обострили внутривластную ситуацию в Степном генерал-губернаторстве.

Специфические решения принимались и туркестанским генерал-губернатором Ф.В. Мартсоном. Он пытался объявить край на военном положении, местному населению запрещалось собираться

большими группами и сидеть на крышах, последовал запрет на ночевки в чайханах, ограничивался доступ к железнодорожному сообщению и т.п. [44]. В июле он был переведен на службу в Военный совет. 22 июля было подписано решение о назначении нового начальника края, до его прибытия временно исполнять обязанности было поручено М.Р. Ерофееву.

Смена генерал-губернатора в Туркестанском крае осложняла управление, но она была вынужденной мерой. Алексей Николаевич Куропаткин прибыл в Ташкент только 8 августа, когда восстание уже разгоралось, и весьма решительно приступил к исправлению ситуации. Произошли изменения и в кадровом составе. Куропаткин уволил несколько десятков волостных и уездных начальников, а также двух военных губернаторов — Галкина и Лыкошина [20; 313]. Он считал, что политика расширения прав низовой туземной администрации не оправдала себя и стала одной из причин быстрого распространения восстания.

Уже на следующий день после прибытия в Ташкент он телеграфировал в Петроград, что беспорядки в Семиречье усиливаются. В течение августа-сентября они охватили не только Семиречье, но и Аулиетинский уезд Сыр-Дарьинской области, а также Акмолинскую и Тургайскую области Степного края. Беспорядки отмечались в Ферганской области, особенно в Андижанском, Ходжентском и Наманганском уездах, и в Астрабадском уезде Закаспийской области. Повторные волнения возникали и в Джизакском уезде [45; 33–39].

Сценарии начала восстаний были разными. Где-то все начиналось с убийства или покушения на убийство лиц, сверявших списки жителей для составления последующих списков и определения жребием тех, кто будет отправлен на тыловые работы. Где-то все начиналось с откочевки вглубь собственного уезда или в соседний уезд. Где-то с отказа выполнять определенные работы или требования властей. Где-то выступления были спровоцированы сообщениями и слухами в ходе или после молитвы в мечети. Где-то выступления начинались с банальных краж и грабежей караванов или переселенческих сел и хуторов. А где-то и с поддержки притязаний определенных кандидатов на звание бека или хана. Не исключались и внешние провокации со стороны турецких эмиссаров. Где-то поводом становилось превышение полномочий представителями местной администрации разного уровня (чаще низовой). Разнообразие сценариев, как и отсутствие взаимодействия между отдельными очагами восстания, свидетельствует о его стихийном характере. Практически везде поводом становились действия, связанные с мобилизацией молодежи на тыловые работы. Комбинация причин в регионах варьировалась, но повсеместно фигурировали земельный вопрос, обострившийся в годы столыпинской аграрной реформы, и рост налогов и сборов в ходе Первой мировой войны. Именно они были основными причинами восстания 1916 г. Привлечение населения на тыловые работы также являлось не просто поводом, но и выступало в качестве причины антиправительственных выступлений.

Джизакское восстание 1916 г. — первый крупный очаг антиправительственных выступлений. Здесь восстание началось 2 июля. После объявления о мобилизации и выбора 13 ответственных за процесс рекрутирования было дано 10 дней на начало мобилизации. 12 июля в старом городе начался призыв. В ночь на 13 июля был убит представитель туземной администрации Мирза Яр Худояров, а его управление сожжено. Назыр Ходжа Абдусаламов, направлявшийся в Ташкент для выяснения обстоятельств произошедшего там бунта, сообщил, что в Ташкенте мобилизацию после антиправительственного выступления перенесли на более поздний срок. Старый город бурлил. Толпа вооружалась палками, ножами, серпами и пр. орудиями, попадавшимися под руку. Назыр Ходжу провозгласили беком, и толпа двинулась в новый город, где преимущественно проживало русское население. Был выдвинут лозунг газзавата. Выехавшие навстречу бунтовщикам представители местной администрации во главе с уездным начальником полковником Рукиным были перебиты. Уездная администрация и местное русское сообщество были уверены в спокойствии местного населения, поэтому Рукин пошел на эту встречу без оружия, с фотоаппаратом [23; 110]. Караульная команда произвела несколько залпов, было убито ок. 10 повстанцев, толпа отступила в старый город. Здесь толпа вооружилась преимущественно холодным оружием и вновь направилась в новый город, где разграбили железнодорожную станцию и частично разобрали железнодорожное полотно, разрушили казармы железнодорожных рабочих, подожгли нефтехранилище, обрезали телеграфные провода, по ходу избивая всех попадавшихся представителей русской администрации. В новом городе начались погромы. Русская часть жителей укрылась в крепости, которую повстанцы штурмовать не решились.

После этого восстание перекинулось на уезд. На участке Джизак — Ломакино были разрушены пути на протяжении 65 верст, то же самое произошло на перегоне Джизак — Обручево. Повстанцы нападали на поезда и грабили. В ходе первых двух дней восстания было убито 16 железнодорожных

служащих. Всего в городе и пригородах было убито 73 русских. В то же время русская администрация начала наведение порядка в новом городе, где были выставлены заставы и организованы круглосуточные вооруженные патрули, и откуда в тот же день удалось выдвинуть восставших. Через день в город подошло подкрепление — отряд полковника Афанасьева, который подавил восстание в старом городе.

В уезде погромы ширились. Было убито 83 человека, в том числе лесная стража. Причина этого крылась в резком росте цен на древесное топливо и в обязанности покупки специальных билетов на порубку. Злость вылилась на служащих. Центрами восстания стали Санзарский, Зааминский и Богданский районы. Причем в Санзарском районе движение возглавил народный судья, происходивший из бекского рода Турадбеков, в Богданском — крупный землевладелец Абдурахман Абдуджабаров Джевачи, провозглашенный повстанцами ханом. Его поддержал Назыр Ходжа. Против них из Ташкента было направлено 14 рот, 3 казачьих сотни при 6 орудиях, по железной дороге был направлен бронепоезд. Восстание было жестоко подавлено.

За исключением Турабекова, который сумел скрыться, руководители восстания были арестованы. Многие участники были преданы военному суду. От места убийства Рукина в радиусе 5 верст была введена запретная полоса. В местах убийства русских были конфискованы земли местных жителей — всего ок. 2 тыс. дес., в том числе 0,8 тыс. дес. — в самом городе. Был сожжен центр старого города.

В уезде восстание также подавлялось с чрезмерной жестокостью. Отряды, направленные против повстанцев, зачастую официально назывались карательными. Особую жестокость проявил отряд Иванова. По свидетельству очевидцев, «вещи сжигали, кого встречали, в того стреляли, женщин насиловали и чинили другие зверства. В кишлаках сжигали посеы и дома, а готовую пшеницу увозили. Население бежало в города и степи, бросая свое хозяйство. Начался голод» [46; 61–63]. Полностью или частично было уничтожено несколько населенных пунктов: в окрестностях Джизака кишлаки Клы, Кара-Клы и Сасык; в Богданском районе сожжены кишлаки Кара-Таш, Ата, Кичи, Янги-Кишлак, Сафар-Ата, Сарымсак; в Зааминском районе — «Заамин (почти весь), Каир-Яма (больше половины), Кара-Саргали (меньшая часть), Куркук (1/2), Кур-Казан (сожжено 7-8 дворов из 22), Ченг-Кайма (меньшая часть), Боюн-Турук (1/3), ст. Ломакино (20 лавок и караван-сарая), Нибуса (3 двора из 15), Кара-Курсак (меньше 1/2 всего 50), Ак-Байра (все), Карабаш (меньше половины, всего 15), Тышик-Кулак (меньше половины из 20), Кишлак Чал (1/3 из 50), Караити (3 двора из 50), Кабыль-Мазар (меньше половины из 40), Чит-Арык (1/3 из 50)»; в Санзарском районе «поселки при ст. Милютинской (1/4 ч. села), Чулак (сожжено 2 дома), Кара (весь), Чубар (сожжено 2-3 дома), Кальтай (весь), Шуртепа, Катта-Кара-Мазар, Ташкескен, Шайбек (все), Джадык (1/2), Кырк, Таджики-Санзар, Карасу (1/2), Суфи, Джеты-Булак (все). Ак-Мулла (сожжено 2 дома), Кичик-Карашакшак, Катта-Каратакшак, Гуралас (1/2)» [46; 91].

Можно выделить две основные причины жестких мер российской администрации. Во-первых, это был ответ на жесткие действия со стороны повстанцев. В значительной степени это психологическая причина, но она несла и упреждающий характер: представители власти предполагали, что жесткость наказания предотвратит расширение восстания. Во-вторых, охрана национальной безопасности Российской империи. Страна находилась в состоянии войны. Значительная часть ресурсов была направлена на фронт. В этих условиях любые антиправительственные выступления, тем более массовые и вооруженные, рассматривались едва ли не как открытие «второго фронта» в глубоком тылу и потому пресекались. Также нужно понимать, что привлечение к суду повстанцев — это процессуальная практика, соответствовавшая нормам российского права того периода.

Согласно донесению семиреченского губернатора М.А. Фольбаума, начало активных выступлений в Семиреченской области было таким: «...стал распространяться слух агитаторами среди киргизской массы о введении воинской повинности, что и послужило ближайшим поводом сначала к пассивному сопротивлению распоряжениям властей, а затем и к открытому неповиновению и беспорядкам во многих волостях, под давлением призываемых, на которых не действовал благоразумный голос старейшин. Смута и паника охватили целые волости: приграничные волости Лепсинского и Джаркентского уездов в половине июля стали уходить в Китай, другие — в степи Балхаша или же в горы, бросая свои поля и зимовки. Рабочие киргизы убегали от русских, воруя лошадей и скот. Первым значительным столкновением нужно считать нападение киргиз Эмельской и Барлынской волостей 24 июля — 1 августа на Тахтинский таможенный пост и с. Пограничное в Алакульской долине, вызванное желанием киргиз прорваться в Китай. Первым же мятежным выступлением было открытое

нападение, с оружием в руках 3 августа призывных Кызылбургской волости Верненского уезда, на уроч. Ассы, во время составления призывных списков, на почетных лиц волости и на помощника уездного начальника г. Хлыновского и его конвой, из которого был один убит и три ранено. Уже 4 августа на Ассы выступила казачья сотня, и в ближайшие затем дни Кызылбургская волость была примерно наказана.

6 августа мятежники нескольких волостей Кастекской группы оказали вооруженное сопротивление отарскому участковому приставу около станции Самсу и напали на его конвой, а 7 августа — на небольшой охранной отряд дружины прапорщика Виткина в с. Приторном, близ Кастекского перевала. С этого момента мятежные шайки киргиз быстро распространились в 6 ближайших волостях до Курдая, в районе станции Самсу-Отар и русских селений Сергиевского-Кастек, где 7-8 августа киргизами было убито 16 человек и уведено в плен до 35 человек, которые были ограблены, многие изранены и затем освобождены» [41; 68-69].

Обычно восстание начиналось в тех местах, где не было регулярных резервных частей или казачьих сотен, либо они были малочисленны. Так, по сведениям драгомана российского консульства в Кашгаре Стефановича, основанным на собранных многочисленных разведывательных данных и опросах русского и нерусского населения, при подготовке к восстанию в Семиречье «киргизы приняли во внимание и те силы, с которыми им предстояло вступить в борьбу. Даже на первый взгляд видно, что соотношение было в их пользу: в Пишпекском и Пржевальском уездах ко времени начала мятежа не было никаких войск, отсутствие же мужского населения, вследствие призыва запасных, в русских поселках, давало им лишний шанс на успех мятежа, к тому же киргизской массе было внушено главарями, что войска находятся все на войне» [40; 88]. Еще одним из условий успеха восставших в этом районе на первом этапе стал захват ими транспорта с огнестрельным оружием и патронами, а также поставки огнестрельного оружия из соседнего Китая. По свидетельству плененных повстанцев, одним из их отрядов руководил турецкий генерал с двумя европейскими советниками [32; 177].

В Семиречье восстание разрасталось чрезвычайно быстрыми темпами. Причем здесь оно носило не только антиправительственную, но и антирусскую направленность [47; 209–226]. Об этом свидетельствуют многочисленные показания очевидцев и сообщения представителей администрации [24; 195-196, 214].

В Джизаке и особенно в Семиречье восстание приняло характер межэтнического противостояния. Переселенческие поселки сжигались, людей убивали, женщин брали в плен в качестве заложниц, над большинством из них надругались, грабились запасные магазины, имели место случаи нападения на железнодорожные участки, административные учреждения, почтовые станции, склады и даже на малочисленные гарнизоны. Повстанцам удалось отбить несколько обозов с огнестрельным оружием.

Генерал-губернатор А.Н. Куропаткин так описывал состояние дел на 3 сентября 1916 г.: «Многие русские поселения разгромлены, много жертв; разорение их полное. Особого вооруженного сопротивления [повстанцам] еще не было оказано. Решительные действия начнутся на днях. Двинул войска как со стороны Ташкента, так и со стороны Ферганы. Постоянного типа войск в крае не было. Пришлось послать часть дружин ополчения, часть рот запасных батальонов. Войска мало сплоченные, недостаточно дисциплинированные. Уже при усмирении беспорядков в Джизакском уезде были справедливы жалобы на войска за излишнее разорение туземных жилищ, грабеж, лишние убийства. То же получается и при действиях в Семиречье». Формировавшиеся из числа жителей разграбленных русских поселений дружины вполне естественно имели крайне негативное отношение к повстанцам. Стремясь наказать преступников, наказывали зачастую невиновных. Так, Фольбаум, вероятнее всего, у мирных жителей, не участвовавших в погромах, «отбил» 300 коров, 10 тыс. овец и 2 тыс. лошадей. Это лишь усиливало антагонизм в регионе. Представители местной аристократии со своей стороны пытались обосновать начало выступлений подстрекательством со стороны русских кулаков, которые якобы убеждали казахов в том, что их заберут именно на фронт. При этом они рассчитывали на бунт, его подавление и передачу земель бунтовщиков русским поселенцам. Такую версию начала восстания в Аулиеатинском уезде изложил Куропаткину Тынышпаев, проводивший опрос населения [19; 50, 57, 67].

В августе 1916 г. Туркестанский край все же был объявлен на военном, а г. Пржевальск даже на осадном положении. Крестьян из близлежащих сел власти по возможности эвакуировали в город, где из их числа формировались дружины обороны. Такие же дружины были организованы в селах, где эвакуацию провести не удалось: Сазановском, Преображенском и Теплоключенском. Дружины были созданы и в Джаркентском уезде. В конце августа 1916 г. отдельные выступления превратились в

полномасштабное восстание, охватившее значительную часть Верненского, Пишпекского, Пржевальского и Джаркентского уездов. Несмотря на определенную организацию в ряде очагов, сами очаги между собой связаны практически не были [48; 11, 23–25, 45].

Типичным для кочевников способом протеста являлась откочевка. Такой прием использовался по отношению как к собственным правителям (ханам, султанам, манапам и т.п.), так и к патронирующим державам. Вполне естественно, что реакцией на мобилизацию, а также на действия вооруженных отрядов, направленных для подавления вооруженных выступлений, определенная часть кочевников ответила откочевкой.

В оценках исследователей о числе перекочевавших в пределы Китая казахов и киргизов после объявления о мобилизации на тыловые работы имеются значительные расхождения. Наиболее достоверными представляются данные, собранные С.Д. Асфендиаровым (см. табл. 1).

Таблица 1

Число откочевавших в 1916 г. в пределы Китая казахов и киргизов [39; 104]:

Район	Число кибиток (семей)		
	до восстания	на 1 января 1917 г.	убыло
В 3 волостях Верненского уезда	4347	2415	1932
В 13 волостях Джаркентского уезда	17096	4378	12718
В 25 волостях Пишпекского уезда	21831	12518	9313
В 32 волостях Пржевальского уезда	34509	8849	25660
В 5 волостях Лепсинского уезда	7071	3629	3442
ВСЕГО	84854	31789	53065

В пределы Персии откочевало ок. 570 семей туркмен-йомудов (ок. 3 тыс. человек). Помимо стремления избежать мобилизации откочевавшие рассчитывали получить поддержку со стороны турок, по слухам побеждавших в войне с Россией [7; 100-101].

Обычно в Российской империи принималось число душ в кибитке в Семиреченской области около 5,1. Таким образом, в ходе восстания 1916 г. за пределы Российской империи откочевало казахов и киргизов ок. 270 тыс. человек. Иногда эта цифра исследователями округлялась, увеличиваясь до 300 тыс. человек [49; 93]. Также были откочевки из Семипалатинской области, но, поскольку там они носили сезонный характер, выявить число не вернувшихся из Восточного Туркестана не представляется возможным; в любом случае там оно было значительно меньшим, чем число тех, кто откочевал и не вернулся в Семиреченскую область.

Далеко не все смогли достичь китайских пределов, поскольку китайские власти не желали увеличения доли мусульманского населения в своих пределах, где регулярно вспыхивали антицинские выступления. Так, на р. Сумбе были задержаны казахи двух волостей и киргизы восьми волостей. Среди пытавшихся пересечь границу начался тиф, корм в округе был вытравлен и начался его массовый падеж. Российские власти потребовали от пытавшихся уйти в пределы Китая 4 тыс. лошадей для земледельческих и транспортных нужд армии. Значительная часть дунган и уйгур, ушедшая в Синьцзян, в скором времени также была вынуждена вернуться в Россию из-за притеснений со стороны цинских властей. В Китае осталось менее 3 тыс. дунган [39; 104-105]. Откочевавшие в Китай казахи и киргизы терпели серьезные притеснения со стороны цинских властей. Именно в Китае основная часть тех, кто выступил против мобилизации на тыловые работы.

Одно из первых антиправительственных выступлений среди туркмен произошло в Теджене. Для его купирования потребовался отряд из 42 вооруженных человек (22 всадника и 20 пеших). В Гумбет Кабузе в нападении на поселки и имения участвовало до 200 человек местного населения [7; 82, 97].

Волнения происходили не постоянно, но в Туркестанском генерал-губернаторстве, по сведениям А.Н. Куропаткина, они вспыхивали вплоть до конца января 1917 г. [45; 33–39]. А.В. Шестаков обратил внимание на то, что наибольшее количество очагов восстания располагалось вдоль железнодорожной ветки Чимкент-Семипалатинск, часть которой в тот период еще не была достроена. Автор объясняет эту особенность тем, что именно здесь были наибольшие земельные изъятия у кочевников [50; 95-96].

Согласно рапорту А.Н. Куропаткина, в ходе вооруженных действий повстанцев в Туркестанском крае было убито ок. 2,5 тыс. человек (см. табл. 2) [51; 43].

Число погибших в ходе восстания 1916 г. в Туркестане, согласно официальному рапорту генерал-губернатора А.Н. Куропаткина

Область	Представителей туземной администрации	Представителей русской администрации	Крестьян-переселенцев, казаков и мещан
Семиреченская		3	2325
Сыр-Дарьинская	6	3	45
Самаркандская	4	3	83
Ферганская	11	1	
Закаспийская		3	нет данных
ВСЕГО	21	13	2453

Современные исследования несколько увеличивают эту цифру. По разным данным, от рук повстанцев (без учета Закаспийской области) погибло русского гражданского населения от 3828 до 4145 человек, ранено 1111, пропало без вести несколько тысяч человек. В плену (де-факто в заложниках) у повстанцев находилось свыше тысячи русских, в основном женщины и дети, часть из них была вывезена в Сындыян. Самые серьезные жертвы среди русского населения были зафиксированы в Пржевальском уезде, где погибло 2179 и пропало без вести 1299 человек, было сожжено 1,3 тыс. дворов и еще ок. 1 тыс. дворов разграблено. Среди убитых были семь монахов и послушников Иссык-Кульского монастыря. Вокруг озера Иссык-Куль были сожжены 10 приходских церквей и 25 селений. Священника И. Роика убили за несогласие принять ислам, а его жену и дочь изнасиловали. Общая сумма ущерба, нанесенного русскому населению повстанцами только в Пржевальском, Пишпекском и Верненском уездах оценивалась властями почти в 31 млн руб.

В ходе выступлений во всем Туркестанском крае подверглось нападению 94 русских селения, «не считая отдельных хуторов, заимок и пасек», сожжено и разрушено по разным данным от 5373 до 9 тыс. дворов. Вместе с тем повстанцы в Туркестане не могли оказывать серьезного сопротивления регулярным и казачьим частям. Потери вооруженных отрядов, направленных для подавления очагов восстания в Туркестане, были незначительными. За всю кампанию было убито 79 рядовых и 7 офицеров, ранено 64 офицера и 3 рядовых, пропало без вести 77 человек [32; 187-188]; [36; 107, 115]; [52; 406]. Относительно суммы ущерба встречается также цифра в 20,7 млн руб. в шести уездах Семиреченской области [53; 99].

Меры по усмирению повстанцев принимались с разной скоростью и сами меры различались, но в большинстве случаев были жесткими, а порой жестокими. В Закаспийской области к подавлению выступлений власти сразу приступили решительно. Уже 23 июля 1916 г. войскам Асхабадского гарнизона был отдан секретный приказ № 22, предусматривавший в том числе следующие меры против повстанцев: «По явно угрожающим скопищам действовать огнестрельным оружием, не допуская их даже на дальний выстрел», «не высылать на разведку одиночных нижних чинов». Для содействия администрации и полиции в вопросе мобилизации на тыловые работы 31 июля был сформирован «вспомогательный (понудительный) отряд в составе: роты пехоты от Асхабадской дружины Государственного ополчения, сотни конных пограничников 30-й пограничной Закаспийской бригады и пулеметной команды той же бригады» [7; 45-46].

Основные очаги восстания в Туркестанском генерал-губернаторстве удалось подавить к середине октября. На совещании 16 октября было решено образовать новый Нарынский уезд, расположенный в горной местности, неудобный для ведения земледелия, и не позволявший развивать полукочевое скотоводство в больших масштабах. Туда было решено выселить киргизов 15 волостей Пржевальского и Пишпекского уездов, которые принимали наиболее активное участие в восстании. Выселению в проектируемый уезд подлежало ок. 80 тыс. человек. Причем весь Пржевальский уезд было предложено заселить исключительно русским населением. Меры не были реализованы, поскольку не нашли поддержки у новой администрации после Февральской революции 1917 г. [36; 114].

По мнению А.В. Ганина, эффективность подавления восстания «была обусловлена многими факторами. Прежде всего, отряды мятежников не могли противостоять регулярным войскам, пусть и состоящим, в значительной степени, из запасных солдат. Подавление мятежа носило организованный и достаточно хорошо скоординированный характер. Ликвидации беспорядков способствовало наличие в охваченных ими районах подконтрольной властям железной дороги, позволявшей быстро перебрасывать войска и снабжать их всем необходимым. Большое впечатление на мятежников произво-

дило применение артиллерии и пулеметов. Кстати, при подавлении мятежа успешно использовались грузовые автомобили, с установленными на них пулеметами» [32; 207].

Не все меры носили репрессивный характер. Принимались решения и о помощи пострадавшим. В частности, властями было принято решение о выделении 5 млн руб. на помощь возвращающимся казахам и киргизам из Синьцзяна, 6,5 млн. руб. — на помощь пострадавшему русскому населению Туркестана. Все жители имели право на получение льготного кредита в размере до 50 тыс. руб. на семью на восстановление хозяйства.

В Уральской области в 1916-1917 гг. были приняты меры по оказанию продовольственной помощи пострадавшим от неурожая, также населению выдавалось семенное зерно для посева. В апреле 1917 г. Временным правительством было решено приступить к восстановлению поврежденных и разрушенных во время восстания сооружений в Семипалатинской и Семиреченской областях [54-55].

В Степном генерал-губернаторстве волнения и стихийные выступления также происходили практически повсеместно. Уже в июле фиксировались антиправительственные проявления во всех четырех областях. Самым частым было сожжение списков кандидатов. Многочисленными были нападения на представителей местной низовой администрации, т.е. казахов, находившихся на административной службе. Первое убийство произошло 8 июля в Уральском уезде, где погиб волостной управитель. В августе выступления приняли массовый характер. Так, в Кургальджино собралось ок. 15 тыс. недовольных. Вместе с тем, выступления в Степном чаще всего носили мирный характер, нападений на русские села было намного меньше, чем в Семиречье. Заслуживающей внимания является оценка такого характера восстания Э. Соколом, который считает, что причиной был гораздо более длительный период контактов казахского и русского населения в Степных по сравнению с Туркестанскими областями [56; 103–108].

Наиболее крупным очагом восстания не только в Степных областях, но и в центральноазиатском регионе в целом, являлся Тургайский. Волнения здесь начались еще в июле. Первоначальной формой протеста стали откочевки. Учитывая географические особенности района, в Тургайскую область откочевывали недовольные казахи из соседних Уральской и Акмолинской областей. В отличие от большинства других районов здесь активные вооруженные действия начались намного позже — в октябре, когда большинство других очагов было уже подавлено.

Еще одной отличительной особенностью тургайского восстания стала его организованность. Казахами — преимущественно кыпчаками и аргынами — были выбраны несколько ханов из представителей собственных племен. Только в Иргизском уезде таких оказалось девять [57; 321]. По сути, эти ханы заменили волостных управителей. Они подчинялись верховному хану — Абдулгафару Джанбосынову из племени кыпчаков. Один из новоизбранных ханов довольно быстро пошел на соглашение с администрацией, позднее хан А. Канаев был арестован, а хан Тусунской волости О. Шолаков сам сдался властям, но хан кыпчаков не выказывал признаков повиновения [32; 203]. На Тургае была предпринята попытка введения собственного налогообложения, причем размер налога был сопоставим с тем, что платился согласно Степному положению. Сохранялись суды биев и их съезды, т.е. была предпринята попытка создания новой гражданской администрации, не подчинявшейся областным и губернским властям, но в значительной степени копировавшей ее. Создание параллельной официальной структуры происходило уже в июле-августе, когда вооруженных столкновений в области почти не было. Восставшими использовались традиционные потестарно-родственные, клановые социальные связи и отношения [57; 322]. Только «возврат» к традиционным институтам, которые никогда не исчезали, учитывал новые реалии. Модернизационные процессы включались в воссоздававшиеся структуры, а сами эти структуры не были прямым возвратом к существовавшим в дороссийский период традиционным институтам. Они сохраняли семантическую преемственность, но имели черты и традиционного института, и института, внедренного российскими административными реформами. Возможно, появлялась новая традиционность, или происходил процесс традиционалистской модернизации, но это не было возвратом к традиционности, как характерным для Кавказа сопотопляны. Очагов гораздо большей организованностью. Координацией действий вооруженных отрядов руководил А. Иманов, получивший титул сардарбека. Его ближайшим соратником стал А. Джангильдин. Амангельды Иманов имел личных помощников и при нем состоял совет — кенеш, в который входили наиболее уважаемые казахи и командиры повстанческих отрядов. Повстанцы были вооружены не только холодным, но и огнестрельным оружием. Имеются достоверные свидетельства о наличии среди повстанцев германских военных

инструкторов, которые не влияли на решения сардарбека и хана. Повстанцами применялась тактика летучих отрядов и осады поселений.

О степени организации формирований свидетельствует тот факт, что Оренбургским казачьим войском поднимался вопрос о приравнении периода службы участвовавших в подавлении восстания на Тургае к участию в военных действиях на фронтах Первой мировой войны [39; 107].

Апогеем вооруженного сопротивления стала осада Тургайя, начавшаяся 22 октября. В ней участвовало до 15 тыс. вооруженных повстанцев. Во время предпринятого повстанцами штурма было сожжено около ста строений на окраинах города. Осада была снята лишь 6 ноября после подхода подкреплений в лице армейских подразделений и казачьих отрядов, которым не удалось разгромить основные силы повстанцев. Более того, в ряде стычек повстанцы одерживали локальные победы. Это вынудило правительство направить на их подавление резервные подразделения действующей армии — 7-й Оренбургский и 9-й Сибирский казачьи полки с двумя кольтовскими пулеметными командами, а также 3-ю Оренбургскую казачью батарею [45; 40]; [32; 195–198, 202].

Численность повстанцев на Тургае для того времени была чрезвычайно высокой. По сведениям генерала Сандецкого, к концу ноября 1916 г. вооруженных повстанцев насчитывалось ок. 50 тыс. Для усмирения тургайского очага восстания первоначально были направлены отряды: Кустанайский под командованием подполковника Кислова, Актюбинский (подполковник Клопов), Тургайский (подполковник Котомин), Иргизский, есаулов Грузинова, Фролова и Шепихина, конный (подполковник фон Розен). Помимо холодного оружия и ружей, отряды располагали 17 пулеметами и 14 пушками. Общее руководство возлагалось на генерала Лаврентьева. 13 ноября 1916 г. дополнительно были направлены подкрепления из Казани, Перми и Оренбурга. В Генеральный штаб поступил запрос на оснащение военной экспедиции передвижными телеграфами, 10 грузовиками и 3 аэропланами. Для подавления семиреченских очагов восстания в разное время были направлены общей численностью до 8,75 тыс. пехотинцев, 3,9 тыс. кавалеристов с 47 пулеметами и 16 артиллерийскими орудиями. Для сравнения: против очагов восставших в Акмолинской и Семипалатинской областях были сформированы отряды из 11 пехотных рот и 12 кавалерийских сотен [58; 110–112]; [59; 10–11]; наименьшее число войск для подавления восстания было задействовано в Уральской области, где потребовалось всего 4 казачьих сотни и несколько пулеметов [39; 98].

Лишь в декабре отряд полковника Остроградского нанес повстанцам первое серьезное поражение. Затем в январе-феврале 1917 г. произошел ряд новых крупных столкновений, где повстанцы понесли существенные потери. Ок. 6 тыс. повстанцев погибло (из них ок. 1 тыс. при штурме Тургайя) и ок. 7 тыс. было взято в плен [32; 194, 197, 201, 202–203]. Применялись меры по наказанию жен и детей повстанцев. Несмотря на все принятые меры, очаги восстания полностью подавлены не были, и восстание продолжалось, пусть и с гораздо меньшей интенсивностью. До октября 1917 г. оставались дополнительные гарнизоны российских войск в Тургае, Иргизе, Чулаксае и Карабутаке [39; 107]. Именно это стало причиной того, что историки на протяжении столетия спорят, кто же победил в тургайском восстании: повстанцы или отряды, подчиненные российской администрации.

В Степном крае число погибших и раненых среди славянского населения было ниже, чем в Туркестанском. Число подвергшихся нападению дворов не превышало 4,5 тыс., полностью было уничтожено ок. 1 тыс. жилищ и хозяйственных построек. Здесь выступления носили выраженный антиправительственный характер. Недовольные социально-экономическими условиями были и в русских селениях. Именно поэтому известны случаи, когда повстанцы находили укрытие в русских селениях, даже за пределами степных областей, а между крестьянами и повстанцами поддерживались торговые отношения. Более того, среди русских крестьян-переселенцев в Степном генерал-губернаторстве в годы Первой мировой войны, в том числе в 1916 г., фиксировались антиправительственные выступления, носившие классовый характер [60; 36–37].

Данные о потерях среди повстанцев и местного нерусского населения в исследованиях противоречивы. В одном все авторы сходятся, что эти потери были кратно выше среди нерусского населения Туркестанского и Степного генерал-губернаторств. Уже 19 августа А.Н. Куропаткин сообщал, что в ходе подавления восстания «убито около тысячи киргиз». Крестьянами в Аулиеатинском уезде было убито ок. 600 казахов [24; 215, 234–235]. Данные о погибших в ходе откочевки в Китай противоречивы. Исследователи из числа нерусского населения (А.-З. Валидов, М. Тынышпаев, А. Топчыбашев) приводят цифры от 83 тыс. до 95,2 тыс. человек [61; 86]. Современный австрийский исследователь А. Каппелер считает, что в Семиречье погибло свыше 100 тыс. коренного населения, хотя и отмечает, что точных данных нет [62; 260]. Как можно понять, большая часть казахов и киргизов Семиречья

погибла вне пределов Российской империи. Вместе с тем есть и другие данные. Так, современная киргизская исследовательница Ш. Батырбаева, применив метод моделирования среднегодового прироста населения с учетом данных переписей населения до и после восстания, пришла к выводу, что прямые и косвенные потери киргизского населения составляют ок. 33,6 тыс. человек [63]. Правда, в этом случае остаются вопросы к достоверности данных переписей, от которых отталкивается автор.

Одним из последствий восстания 1916 г. стали судебные процессы. По делам о восстаниях в Средней Азии с июля по декабрь 1916 г. было привлечено к суду более 3 тыс. человек. К смертной казни было приговорено 347 человек (по конфирмации смертная казнь была оставлена для 51 повстанца), к каторжным работам — 168 человек, к исправительно-арестантским отделениям — 228, к тюремному заключению — 129 чел. [45; 40].

Судебные процессы касались не только участников восстания, но и тех, кто отдавал распоряжения, в том числе губернаторов, о применении жестоких мер против повстанцев, применял недозванные средства подавления восстания или применял насилие по отношению к невиновным, а также тех, кто попытался незаконно воспользоваться конфискованным имуществом повстанцев [64-65].

Важнейшим последствием восстания 1916 г. в центральноазиатском регионе стало дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации. Усилилась поляризация общества, в первую очередь по классовому принципу. Возросла и политизация местных элит и части населения из низовых страт. Одним из следствий стала трансформация половозрастной и этноконфессиональной структур. Определенное влияние в ряде местностей и субэтнических групп имели иностранные эмиссары. Вместе с тем ситуация не носила необратимого характера. Сложно согласиться с теми, кто считает восстание 1916 г. прямой причиной февральских и октябрьских событий 1917 г. в регионе. Более верным кажется представление, что политическая трансформация пришла в регион из Петрограда «по телеграфу». Но то, что восстание повлияло на многие внутрорегиональные процессы того времени, несомненно.

А как восстание 1916 г. отразилось на жизни Бухары и Хивы?

В Бухарском эмирате и Хивинском ханстве в 1916 г. никаких серьезных антироссийских выступлений не было. Вместе с тем фиксировалось участие представителей Хивы и Бухары в событиях в Туркестане. В Джизакском восстании среди предводителей были бывшие бухарские беки. Среди оставших ходили слухи, что Россия потерпит поражение в войне с Германией, и к Бухаре отойдут все ее прежние владения, вошедшие в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Частично эти слухи инспирировались самими Германией и союзной ей Оттоманской Портой. Восставшие пограничных с ханствами районов апеллировали к правителям этих образований с призывом оказать содействие восставшим единоверцам оружием, провиантом, вооруженными отрядами. В Бухару для закупок оружия приезжали эмиссары повстанцев из Туркестана и Степного края.

Российские власти рекомендовали бухарскому правительству запретить переход самаркандцев через границу, что и было сделано. Вместе с тем, связи не прекращались, и самаркандские мятежники пытались возмутить почти постоянно находившихся в оппозиции к эмиру жителей Гиссара и Шахрисябза. При негативном сценарии развития событий российские власти не исключали вероятности ввода войск на территорию Бухарского эмирата для умирения повстанцев. Вместе с тем восстания в Шахрисябзском и Китабском бекствах не носили противостояния российским властям, а были антиэмирскими. Но выступления в Ширабадской долине носили черты антироссийских выступлений, поскольку поводом к выступлениям стал незаконный захват земли руководителями российской концессии «Айвадж». Хотя здесь выступления носили мирный характер.

В Хиве выступления туркмен-йомудов во главе с Джунаид-ханом, которого подозревали в связях с германскими и османскими спецслужбами, начались еще в январе 1916 г. Новый начальник Амударьинского отдела полковник Завитневич объявил амнистию нескольким арестованным предводителям. Ряд казахских родов, сезонно кочевавших в ханстве, но подчиненных уральскому военному губернатору, освобождался от мобилизации на тыловые работы на период пребывания в пределах ханства. Этим пользовались, концентрация казахского населения в низовьях Арала возросла. Часть тургайских повстанцев в начале 1917 г. попыталась найти в низовьях Сыр-Дарьи укрытие. Против них была направлена специальная военная экспедиция, приблизившаяся к границам Хивинского ханства, в том числе с целью недопущения бегства повстанцев в Хиву. Были приняты и другие профилактические меры для нераспространения восстания на Хивинское ханство. В частности, должность российского военного представителя в Хиве в декабре 1916 г. было решено заменить на военного комиссара, что и было согласовано с ханом в начале 1917 г., причем расходы на комиссара, гарнизон

(две роты солдат, две сотни казаков и два артиллерийских орудия) обязывалась нести Хива [66; 243–254].

Таким образом, Хива и Бухара оказались вне непосредственных очагов антиправительственных выступлений 1916 г. Возникавшие там волнения носили антиханский и антиэмирский характер. Они не были столь массовыми, как в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, и не представляли серьезной угрозы режимам, поддерживаемым туркестанской администрацией. Контакты повстанцев с представителями Бухары имели место, но не носили регулярного характера. Между российскими властями и повстанцами элитарные слои ханств приоритетным считали взаимодействие с первыми. Отдельные отголоски восстания ощущались в Бухаре и Хиве, но к каким-то существенным изменениям в них не привели.

Обсуждение

В отечественной историографии, под которой в данном случае понимается советская и постсоветская историография, можно выделить несколько этапов эволюции трактовки восстания: в 1920–1940-е гг. упор делался на классовом характере движения в свете общего антиколониального движения стран Востока. В 1950–1980-е гг. большее внимание уже уделялось вопросам интернационального характера восстания и его трактовки в качестве предвестника или даже составной части социалистических революционных движений в Азиатской России. Наконец, с 1990-х гг. начинается плюралистический этап, в рамках которого каждая из национальных историографий центральноазиатских стран стремилась выделить национальный компонент, ряд работ акцентировал исследовательский вектор в направлении изучения сложных межэтнических отношений, появились диаметрально противоположные оценки одних и тех же событий разными авторами, особенно представителями различных постсоветских государств. Каждый из этапов характеризовался введением в оборот и публикацией нового комплекса исторических источников с частичным «забыванием» достижений предыдущих исследователей и игнорированием части введенного в оборот источникового комплекса. Причем влияние иностранной историографии на процесс осмысления восстания на каждом этапе было весьма поверхностным. Мы вполне сознательно не указываем работы конкретных авторов по двум причинам. Во-первых, из-за их значительного числа, хотя здесь можно было бы назвать наиболее «весомые» работы, оказывавшие наибольшее влияние на оценки других авторов, и во-вторых, что важнее, по причине того, что настоящая статья не является историографической. А проводить оценку массива публикаций, на наш взгляд, уже стоит с использованием контент-анализа, количественных методов исследования, а также с привлечением элементов компьютерного зрения для анализа визуальных источников.

Всплеск интереса к тематике антиправительственных выступлений 1916 г. в постсоветское время фиксировался дважды: сразу после образования новых независимых государств, когда требовалось историческое обоснование легитимности стран, образованных на базе советских союзных республик новых независимых государств, и в период 100-летия событий, хотя и в другие годы интерес к проблеме был стабильно высоким. В российской постсоветской историографии можно выделить два направления: «колониальное», трактующее восстание 1916 г. в значительной мере аналогично оценкам центральноазиатской историографии, и государственническое, представители которого оценивают события не с позиций теории общественного договора, а с точки зрения уголовного права того периода, т.е. в качестве массовой преступной деятельности. Весьма популярны и идеи внешнего враждебного воздействия на ситуацию в регионе со стороны стран блока Центральных держав («Четверного союза»). Представители всех означенных направлений внесли определенный вклад в изучение отдельных аспектов восстания 1916 г., но каждое из направлений имело и изначальные ограничения, связанные как с политической и грантовой конъюнктурой, так и с процессом множественной субъективизации. К сожалению, во многих случаях современные исследования базируются на крайне слабом знакомстве с источниками и являются источником мифотворчества.

Выводы

Таким образом, ситуация в юго-восточных окраинах Российской империи в годы Первой мировой войны по сравнению с предыдущим периодом качественно трансформировалась: сократилось крестьянское переселенческое движение, в рамках мобилизации на военную службу на фронты отправилось значительное число астраханских, уральских, оренбургских, сибирских и семиреченских казаков, а также часть взрослого мужского крестьянского славянского населения. Это существенно

изменило социальный, гендерный и этнический состав многих районов. На это же определенное влияние оказали процессы перемещения военнопленных. Российское правительство в условиях перевода экономики на военные рельсы вынуждено былократно повысить налоги и ввести новые повинности, в том числе на нерусское население региона. Это вызывало недовольство местного населения. Под давлением Военного министерства было принято решение о мобилизации части мужского нерусского населения, именовавшегося в тот период «инородческим», на тыловые работы. Непродуманность процесса, слабая информированность населения, наличие слухов и дезинформации, а также многочисленные нарушения со стороны местной российской, в том числе т.н. туземной, администрации привели к возмущению со стороны нерусского населения, во многих местах перераставшему в вооруженное сопротивление. Очаги восстания преимущественно были разрозненными. Попытки взаимодействия имели место, но были редки, и практически никогда не приводили к общему взаимодействию. Идеологической основой в разных районах могли выступать как призывы к мусульманскому единству и борьбе с неверными (преимущественно Туркестанский край), так и националистические лозунги (Семиреченская область, Степной край), вплоть до шовинистических действий, а также социально-экономические требования (повсеместно). Имело место подстрекательство к противоправным действиям со стороны турецких, афганских, германских и китайских представителей, в то же время их влияние в большинстве очагов восстания было незначительным или его не имелось вовсе. Реакция местного славянского населения была неодинаковой. В местах антирусских выступлений (ряд очагов восстаний киргизов) создавались отряды самообороны, а борьба с повстанцами приобретала элементы межнациональных столкновений, в то же время в ряде районов Степного края крестьянское население и рабочие в городах выступали с антиправительственными лозунгами и явно или тайно поддерживали восставших казахов. Представители местной элиты также не были едины в своем отношении к восстанию или точнее восстаниям. Многие служащие администрации сохраняли лояльность властям и предпринимали попытки не только привлечения к мобилизации на тыловые работы, но и к мобилизации коренного населения на военную службу (например, лидеры будущей партии Алаш), однако большинство лояльно относилось к проявлениям антиправительственных настроений и чаще тайно, но нередко и явно участвовало в выступлениях. Местная администрация также далеко не одинаково реагировала на возмущения — от отмены сроков мобилизации на тыловые работы, до попыток договориться с представителями национальных элит или активного вооруженного подавления восстаний, в том числе с применением пулеметов, артиллерии и даже аэропланов, с использованием казачьих формирований и регулярных частей.

Очаги восстаний и иных открытых антиправительственных выступлений охватили все области Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, а также Внутреннюю орду. В то же время их массовость, интенсивность, организованность имели серьезные локальные различия. От стихийных выступлений, продолжавшихся несколько дней, до многомесячного противостояния властям с применением огнестрельного оружия повстанцами и даже попыток штурма городов, создания собственных организационных структур, по наименованию восходивших к традиционным институтам, а по содержанию дублировавшим функционал низовой российской администрации. Одной из форм протеста стали массовые откочевки. Следует отметить, что это традиционная форма неповиновения кочевников властям. Наиболее массовые откочевки осуществлялись в Синьцзян. И именно в ходе этих откочевок повстанцы понесли наибольшие людские потери.

В целом, за исключением Тургайского очага, который оказался наиболее организованным, и который властям не удалось подавить до крушения Российской империи, основные очаги восстаний подавлялись в течение одного-двух месяцев. Затем происходили судебные процессы, итогом которых становились в том числе смертные приговоры лидерам и наиболее активным деятелям восстаний. В то же время большинство смертных приговоров заменялись тюремными сроками, а многие участники антиправительственных выступлений оправдывались. Анализ судебных дел участников восстания еще требует тщательного изучения, так же как и деятельность представителей нерусских народов на тыловых работах. Правительство Российской империи, а особенно первое Временное правительство Российской республики после Февральской революции амнистировало большинство участников антиправительственных выступлений, мобилизованные на тыловые работы были возвращены в свои города, кишлаки и аулы. Были даже компенсации пострадавшим от действий властей местным жителям, но их размер был несопоставим с понесенными потерями, и получали его далеко не все, хотя он выдавался и русским, и нерусским гражданам. Более того, власти Российской республики начали расследования и судебные разбирательства с наиболее одиозными руководителями экспедиций по по-

давлению восстаний, и здесь также не обошлось без появлений излишнего административного рвения. Этот вопрос также недостаточно хорошо изучен и может серьезно повлиять на изменение оценок итогов восстаний 1916 г. последующими профессиональными исследователями.

В целом следует охарактеризовать события 1916 г. как наиболее массовые антиправительственные выступления нерусского населения юго-восточных окраин за всю историю их вхождения в состав Российской империи. Они оказали серьезное влияние на дестабилизацию ситуации в регионе, ухудшение благосостояния практически всех слоев, резкий рост национального самосознания. События восстаний едва ли стали первым этапом революций в регионе, но, несомненно, сказались на снижении лояльности граждан официальным властям и политизации местного населения, вне зависимости от его этнокофессиональной принадлежности.

Список литературы

- 1 Научная электронная библиотека. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://elibrary.ru>
- 2 Зеленков М.Ю. Политология (базовый курс) / М.Ю. Зеленков. — М.: Юридический институт МИИТа, 2010. — 302 с.
- 3 Cambridge Dictionary. — [Electronic resource]. — Access mode: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/uprising>
- 4 Суслов М.Г. Прогнозы на Первую мировую войну / М.Г. Суслов // Международный научно-исследовательский журнал. — 2015. — № 8(39). — Сентябрь. — Ч. 4. — С. 76–80.
- 5 Центральная Азия в составе Российской империи. — М.: Новое Литературное Обозрение, 2008. — 464 с.
- 6 Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 г. (мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г.) / Г.И. Бройдо — М.: Научная ассоциация востоковедения при Ц.И.К. С.С.С.Р., 1925. — 28 с.
- 7 Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы). — Ашхабад: Туркменское государственное изд-во, 1938. — 317 с.
- 8 Якунин А.Ф. Восстание 1916 года в Средней Азии / А.Ф. Якунин, О.К. Кулиев // Вопросы истории. — 1953. — № 3. — С. 33–49.
- 9 Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане / Х. Турсунов. — Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1962. — 428 с.
- 10 Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен; пер. с англ. — М.: Изд-во «Европа», 2007. — 688 с.
- 11 Янченко Д.Г. Восстание в Туркестане 1916 года и реакция на него Государственной Думы: историография вопроса и истоки конфликта / Д.Г. Янченко, Д.В. Овсянников, В.А. Шорохов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. — 2018. — № 12. — С. 73–79.
- 12 Гундогдыев О. Слава и трагедия. Судьба Текинского конного полка (1914-1918) / О. Гундогдыев, Дж. Аннаоразов. — Ашгабат: Рух, 1992. — 60 с.
- 13 Еремин И.А. Мобилизация 1914 года в Западной Сибири и Степном крае / И.А. Еремин // Вестник Томского ун-та. 2006. — Сер. Гуманитарные науки (история). — Вып. 1(52). — С. 37–41.
- 14 Олейников А.В. Астраханские казачьи полки в горниле Первой мировой войны [Электронный ресурс] / А.В. Олейников. — Режим доступа: <https://history.milportal.ru/astraxanskije-kazachi-polki-v-gornile-pervoj-mirovoj-vojny>
- 15 Иванов А.В. Оренбургское казачье войско в период Первой мировой войны: тренды современной историографии / А.В. Иванов // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 1(42). — С. 74–82.
- 16 Картагузов С.В. 1-й Уральский казачий полк на фронтах Первой мировой войны / С.В. Картагузов // Военно-исторические исследования в Поволжье. — Вып. 6. — Саратов: Изд-во «Научная книга». — 2005. — С. 35–45.
- 17 Картагузов С.В. «Сформировать на время военных действий... Уральскую казачью батарею»: Участие Уральской казачьей артиллерии в Первой мировой войне / С.В. Картагузов // Военно-исторический журнал. — 2008. — № 11. — С. 45–51.
- 18 Лещев Е.Н. Деятельность Семиреченского казачьего войска в 1867-1917 гг. / Е.Н. Лещев // Военно-исторический журнал. — 2008. — № 12. — С. 29–32.
- 19 Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. — Т. 1 (20). — М.-Л.: Государственное изд-во, 1927. — С. 56–77.
- 20 Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А.Ю. Бахтурина — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 394 с.
- 21 Сибгатуллина А.Т. Контакты тюркок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX-XX вв. / А.Т. Сибгатуллина. — М.: Институт востоковедения РАН, 2010. — 266 с.

- 22 Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / под ред. А.Д. Богатурова. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 549 с.
- 23 Стенографический отчет Государственной Думы, сессия V, 13 декабря 1916 года // Гос. дума, четвертый созыв, 1916 г., сессия четвертая. Стенографические отчеты Ч. 2. Пг.: Государственная тип., 1916. — С. 105–142.
- 24 Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов / Сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюкова. — М.: Марджани, 2016. — 468 с.
- 25 Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.) / Ред.-сост.: Т.В. Котюкова. — М.: Русский импульс, 2017. — 528 с.
- 26 Падение царского режима. Стенографические отчеты и показания, данные в 1917 году чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. VII. — М.-Л.: Госиздат, 1927. — 476 с.
- 27 Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов / отв. ред. А.В. Пясковский. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 792 с.
- 28 Кенжебаев Н.Т. Мобилизация казахов на тыловые работы в годы Первой мировой войны / Н.Т. Кенжебаев // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. — Алматы: ТУДАП, 1994.
- 29 Тукешева Н.М. События 1916 года в Уральской области и Букеевской орде как часть национально-освободительного движения казахского народа / Н.М. Тукешева // Вестник Западно-Казахстанского университета. — 2017. — № 3(67). — С. 271–285.
- 30 Восстание киргизов и казахов в 1916 году. — Сборник материалов. — Бишкек: Учкун, 1991. — 172 с.
- 31 История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк) / Гл. ред. М.К. Козыбаев. — Алматы: Изд-во «Дәуір», 1993. — 416 с.
- 32 Ганин А.В. Последняя полуденная экспедиция Императорской России. Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916-1917 гг. / А.В. Ганин // Русский сборник. — М., 2008. — С. 152–214.
- 33 Букейханов А. Жұмысшылар жайынан / А. Букейханов, М. Чокаев // Газета «Қазақ». — 1916. — 29 октября.
- 34 Минжуренко А. Земство — как альтернатива органам государственной власти [Электронный ресурс] / А. Минжуренко. — Режим доступа: https://rapsinews.ru/historical_memory_publication/20240220/309631892.html
- 35 Ковалев П.А. Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны (1916 — май 1917 гг.) / П.А. Ковалев. — Ташкент: Государственное изд-во Узбекской ССР, 1957. — 187 с.
- 36 Ганин А. Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области / А. Ганин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2016. — № 91(7). — С. 94–124.
- 37 Малабаев С.К. Трагические события 1916 года: мифы и реальность / С.К. Малабаев // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва (18 сентября 2015 г.) / Сост. и науч. ред. Т.В. Котюкова. — М.: [б. и.], 2016. — С. 198–208.
- 38 Ковалев П.А. Эпизоды из истории восстания 1916 года в Туркестане (Дело Ферганского губернатора генерала Гиппиуса) / П.А. Ковалев // Труды Среднеазиатского государственного университета. — Вып. 150. — Т. 31. — Ташкент, 1959. — С. 3–36.
- 39 Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане / С.Д. Асфендияров. — Алма-Ата-М.: Казахстанское краевое изд-во, 1936. — 149 с.
- 40 Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник документов. — Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. — 175 с.
- 41 К истории восстания киргиз в 1916 г. С предисл. А. Чулошниковой // Красный архив. — М.-Л.: Государственное изд-во, 1926. — Т. 3(16). — С. 53–76.
- 42 Гафаров Н.У. Худжанд (Ходжент) — колыбель среднеазиатского восстания 1916 г. / Н.У. Гафаров; сост. и науч. ред. Т.В. Котюкова // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. — М.: б. и., 2016. — С. 50–62.
- 43 Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. / Отв. ред. Ю.А. Лысенко. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2017. — 384 с.
- 44 Шварц В. О циркуляре МВД по вопросу о срочном начале реквизиции инородцев [Электронный ресурс] / Шварц В. — Режим доступа: <https://daniyarov.kg/2020/01/04/vladimir-shvarc-prestupnyy-cirkulyar-n-2>
- 45 Ковалев П.А. Кризис колониального режима и «реформы» Куропаткина в Туркестане в 1916 году / П.А. Ковалев // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. — 1954. — Вып. 57: Исторические науки. Кн. 7. — С. 31–63.
- 46 Джизакское восстание 1916 г. С предисл. А. Шестакова // Красный архив. — Т. 60. — М.: Социально-экономическое изд-во, 1933. — С. 60–91.
- 47 Morrison A. Refugees, Resettlement and Revolutionary Violence in Semirech'e after the 1916 Revolt // The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution / Ed. by A. Chokobaeva, C. Drieu, A. Morrison. — Manchester: Manchester University Press, 2019. — S. 209–226.
- 48 Восстание 1916 года в Кыргызстане. Сборник документов. — Бишкек: Центральный государственный архив КР, 2011. — 304 с.

- 49 Сулейменов Б.С. Восстание 1916 г. в Казахстане (причины, характер, движущие силы) / Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин. — Алма-Ата: Наука, 1977. — 165 с.
- 50 Шестаков А.В. Восстание в Средней Азии в 1916 г. (К десятилетию событий) / А.В. Шестаков // Историк-марксист. — 1926. — № 2. — С. 84–114.
- 51 Галузо П. Восстание 1916 г. в Средней Азии / П. Галузо // Красный архив. — Т. 34. — М.-Л.: Государственное изд-во, 1929. — С. 39–94.
- 52 Маджун Д.С. Трагические последствия восстания 1916 г. для России и народов Семиречья / Д.С. Маджун // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. — 2016. — Т. 16. — Вып. 4. — С. 406.
- 53 Чеканинский И. Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 года / И. Чеканинский И. — Кызыл-Орда: [б. и.], 1926.
- 54 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). — Ф. 1797. — Оп. 1. — Д. 307. — 1917 г.
- 55 ГАРФ. — Ф. 6831. — Оп. 1. — Д. 444. — 1916-1917 гг.
- 56 Sokol E. The revolt of 1916 in Central Asia / E. Sokol. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016. — 187 p.
- 57 Лысенко Ю.А. Модернизация и традиционализм сквозь призму событий восстания 1916 г. в центральноазиатских окраинах России / Ю.А. Лысенко, Е.В. Демчик, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева // Былые годы. — 2017. — Вып. 43. — Ч. 1. — С. 317–325.
- 58 Елеуов Т.Е. Установление Советской власти в Казахстане / Т.Е. Елеуов. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. — 116 с.
- 59 Козыбаев М.К. Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения-революции 1916 г. в Казахстане / М.К. Козыбаев // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. — Алматы: ТУДАП, 1994. — С. 3–16.
- 60 Бектугурова Р.С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX — начале XX вв.: автореф. ... д-ра ист. наук / Р.С. Бектугурова. — Омск, 2007. — 51 с.
- 61 Котюкова Т.В. Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету / Сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюкова // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов. — М.: Марджани, 2016. — С. 24–105.
- 62 Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Каппелер, пер. с нем. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 342 с.
- 63 1916 — причины восстания и миф о геноциде. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://stanradar.com/news/full/4834-1916-prichiny-vosstaniya-i-mif-o-genotside.html>
- 64 ГАРФ. — Ф. 102. — Оп. 125. — Д. 130. — Ч. 11. — 1916 г.
- 65 ГАРФ. — Ф. 124. — Оп. 42. — Д. 129. — 1917 г.
- 66 Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717-1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации / Р.Ю. Почекаев. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 326 с.

А.Ю. Быков

1916 ж. Астрахань, Дала және Түркістан губернаторлықтарындағы көтерілістер туралы

Мақала Ресей империясының оңтүстік-шығыс провинцияларын қамтыған және бұл аймақтар империя құрамына кіргеннен бергі кезеңдегі ең ірісі болған 1916 жылғы көтеріліске арналған. Оқиғалардың өрбуінің жалпы контексті, көтерілістің себептері, оның негізгі оқиғалары және оның салдары қарастырылған. Автордың өз көзқарасы арқылы қолжетімді дереккөздер мен зерттеу деректерін синтездеуге әрекет жасалды. Яғни 1916 жылдың жазы мен 1917 жылдың көктеміндегі оқиғаларды біржақты бағалаудан бас тарту әрекетінен де, көтеріліс қарсаңындағы халықтың әлеуметтік-демографиялық құрамының өзгеруін және оның нәтижелерін, соның ішінде тек көтерілісшілерді ғана емес, сонымен қатар сол кездегі қолданыстағы құқықтық нормаларды бұза отырып, оның ошақтарын жоюға қатысқандардың сот процестерін жаңаша форматта бағалау арқылы анықталған. Көтеріліс оқиғалары әлемдік контекске сәйкес келеді, атап айтсақ Бірінші дүниежүзілік соғыс, Антанта мен Төрттік одақ арасындағы қақтығыс және мемлекеттік контекст, соның ішінде ұлттық элита өкілдерін Ресейдің саяси процестеріне біртіндеп біріктірген жаңа саяси жүйенің қалыптасуы, соның ішінде саяси партиялардың пайда болуы мен қызметі, олардың парламенттік қызметке қатысуы және ұлттық шеткі аймақтарда автономиялық қозғалыстардың пайда болуы қарастырылған. Мақалада көтерілістің әртүрлі ошақтарындағы көтерілісшілердің тәсілдеріндегі айырмашылықтар, сондай-ақ үкімет пен аймақтық әкімшілік өкілдерінің (губерниялық және облыстық) болған оқиғаларға реакциясының өзгермелілігі, яғни қарулы қақтығыстан бастап ымырашыл өзара әрекетке дейін іс-әрекеттер талданған.

Клт сөздер: 1916 ж. көтеріліс, ұлттық элита, Бірінші дүниежүзілік соғыс, Ресей империясы, Дала өлкесі, Түркістан өлкесі, әкімшілік саясат, көтеріліс ошақтары, әскерге шақыру, тыл жұмыстарына жұмылдыру, Шыңжаң мен Персияға қоныс аудару.

A. Bykov

On the 1916 Uprising in the Astrakhan, Steppe, and Turkestan Governorates

This article is about the 1916 uprising that swept through the southeastern governorates of the Russian Empire and became the largest uprising during the period when these regions were part of the empire. It examines the general context in which the events unfolded, the causes of the uprising, its main events, and consequences. An attempt is made to synthesize the available source and research data through the prism of the author's vision of the processes. The novelty is defined as an attempt to move away from one-sided assessments of the events of the summer of 1916 and spring of 1917, as well as an attempt to reassess the changes in the socio-demographic composition of the population on the eve of the uprising and its results, including in the format of trials not only of the rebels, but also of those who participated in the suppression of its hotbeds in violation of the legal norms existing at that time. The events of the uprising fit into the global context — World War I, the confrontation between the Entente and the Quadruple Alliance, and the state context, including the formation of a new political system that gradually included representatives of national elites in all-Russian political processes, including the emergence and activities of political parties, inclusion in parliamentary activities, and the emergence of autonomist movements in the national peripheries. The differences in the approaches of rebels in various centers of uprising are analyzed, as well as the variability of the response of the government and representatives of the regional administration (provincial and regional) to the events that took place: from armed confrontation to compromise interaction.

Keywords: 1916 uprising, national elite, World War I, Russian Empire, Steppe Region, Turkestan Region, administrative policy, centers of uprising, military service, mobilization for rear work, migration to Xinjiang and Persia.

References

- 1 Nauchnaia elektronnaia biblioteka [Scientific Electronic Library]. *elibrary.ru*. Retrieved from <https://elibrary.ru> [in Russian].
- 2 Zelenkov, M.Yu. (2010). *Politologiya (bazovyi kurs)* [Political science (basic course)]. Moscow, Yuridicheskii institut MIITa [in Russian].
- 3 Cambridge Dictionary. *dictionary.cambridge.org*. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/uprising>.
- 4 Suslov, M.G. (2015). Prognozy na Pervuiu mirovuiu voinu [Forecast of the First World War]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal — International scientific research journal*, 8(39), 4, 76–80 [in Russian].
- 5 (2008). *Tsentralnaia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia is part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie [in Russian].
- 6 Broido, G.I. (1925). *Vosstanie kirgiz v 1916 g. (moe pokazanie prokuroru Tashkentskoi sudebnoi palaty, dannoe 3-go sentiabria 1916 g.)* [Kyrgyz uprising in 1916. (testimony of the prosecution of the Tashkent court, dated September 3, 1916)]. Moscow: Nauchnaia assotsiatsiia vostokovedeniia pri Ts.I.K. SSSR [in Russian].
- 7 (1938). *Vosstanie 1916 goda v Turkmenii (dokumenty i materialy)* [Uprising in 1916 in Turkmenistan (documents and materials)]. Ashkhabad: Turkmenskoe gosudarstvennoe izdatelstvo [in Russian].
- 8 Yakunin, A.F., & Kuliev, O.K. (1953). *Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii* [Uprising of 1916 in Central Asia]. *Voprosy istorii — History of the question*, 3, 33–49 [in Russian].
- 9 Tursunov, Kh. (1962). *Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane* [Uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent: Gosudarstvennoe izdatelstvo UzSSR [in Russian].
- 10 Liven, D. (2007). *Rossiiskaia imperiia i ee vragi s XVI veka do nashikh dnei* [The Russian Empire and its enemies from the XVI century to our days]. Moscow, Izdatelstvo «Evropa» [in Russian].
- 11 Yanchenko, D.G., Ovsiannikov, D.V., & Shorokhov, V.A. (2018). *Vosstanie v Turkestane 1916 goda i reaktsiia na nego Gosudarstvennoi Dumi: istoriografiia voprosa i istoki konflikta* [The uprising in Turkestan in 1916 and the reaction to it by the State Duma: the historiography of the issue and the conflict]. *Sovremennaia nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seria Gumanitarnye nauki — Contemporary science: actual problems in theory and practice. Series Humanities*, 12, 73–79 [in Russian].
- 12 Gundogdyev, O., & Annaorazov, Dzh. (1992). *Slava i tragediia. Sudba Tekinskogo konnogo polka (1914–1918)* [Glory and tragedy. Fate of the Tekin cavalry regiment (1914–1918)]. Ashgabat: Rukh [in Russian].

- 13 Eremin, I.A. (2006). Mobilizatsiia 1914 goda v Zapadnoi Sibiri i Stepnom krae [Mobilization in 1914 in Western Siberia and the Steppe region]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Seria Gumanitarnye nauki (istoriia) — Bulletin of Tomsk University. Humanities (History) series*, 1(52), 37–41 [in Russian].
- 14 Oleinikov, A.V. Astrakhanskii kazachii polki v gornile Pervoi mirovoi voiny [Astrakhan Cossack regiments in the furnace of the First World War]. *history.milportal.ru*. Retrieved from <https://history.milportal.ru/astraxanskii-kazachii-polki-v-gornile-pervoi-mirovoj-voiny> [in Russian].
- 15 Ivanov, A.V. (2010). Orenburgskoe kazach'e voisko v period Pervoi mirovoi voiny: trendy sovremennoi istoriografii [Orenburg Cossack army in the period of the First World War: trend of modern historiography]. *Uralskii istoricheskii vestnik — Ural historical journal*, 1(42), 74–82 [in Russian].
- 16 Kartaguzov, S.V. (2005). Pervoi Uralskii kazachii polk na frontakh Pervoi mirovoi voiny [The 1st Ural Cossack regiment on the frontlines of the First World War]. *Voенно-istoricheskie issledovaniia v Povolzhe. Vyp. 6. Saratov: Izdatel'stvo «Nauchnaia kniga» — Military-historical studies in the Volga region*, Issue 6, 35–45 [in Russian].
- 17 Kartaguzov, S.V. (2008). «Sformirovat na vremia voennykh deistvii... Uralskuiu kazachiu batariiu»: Uchastie Uralskoi kazachiei artillerii v Pervoi mirovoi voine [«Sformirovat na vremia voennykh dyazhnyi... Ural Cossack battery»: Participation of the Ural Cossack artillery in the First World War]. *Voенно-istoricheskii zhurnal — Military historical magazine*, 11, 45–51 [in Russian].
- 18 Leshchev, E.N. (2008). Deiatel'nost Semirechenskogo kazachego voiska v 1867–1917 gg. [Activity of Semirechenskogo Cossack army in 1867–1917]. *Voенно-istoricheskii zhurnal — Military historical journal*, 12, 29–32 [in Russian].
- 19 (1927). *Iz dnevnika A.N. Kuropatkina. Krasnyi arkhiv* [Iz diary A.N. Kuropatkina. Red archive]. Vol. 1(20). Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 56–77 [in Russian].
- 20 Bakhturina, A.Yu. (2004). *Okrainy Rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsionalnaia politika v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [Outskirts of the Russian Empire: state government and national politics during the First World War (1914–1917)]. Moscow, «Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia» (ROSSPEN) [in Russian].
- 21 Sibgatullina, A.T. (2010). *Kontakty tiurok-musulman Rossiiskoi i Osmanskoi imperii na rubezhe XIX-XX vv.* [Contact Turko-Muslim Russian and Ottoman empires at the turn of the XIX-XX centuries]. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN [in Russian].
- 22 Bogaturova, A.D. (2011). *Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentralnoi Azii. Sobytiia i dokumenty* [International relations in Central Asia. Events and documents]. Moscow, Aspekt Press [in Russian].
- 23 (1916). Stenograficheskii otchet Gosudarstvennoi Dumy, sessiia V — 13 dekabria 1916 goda [Stenographic report of the State Duma, session V — December 13, 1916]. *Gosudarstvennaia дума, chetvertyi sozyv, 1916 g., sessiia chetvertaia. Stenograficheskie otchety Ch. 2. — The State Duma, fourth convocation, 1916, fourth session. Shorthand report Part 2*. Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, 105–142 [in Russian].
- 24 Kotiukova, T.V. (2016). *Vosstanie 1916 goda v Turkestane: dokumentalnye svidetel'stva obshchei tragedii: sbornik dokumentov i materialov* [Uprising of 1916 in Turkestan: documentary evidence of the general tragedy: collection of documents and materials]. Moscow: Mardzhani [in Russian].
- 25 Kotiukova, T.V. (Ed.). (2017). *Vosstaniia 1916 g. v Aziatskoi Rossii: neizvestnoe ob izvestnom (K 100-letiiu Vysochaishego poveleniia 25 iunია 1916 g.)* [Uprisings of 1916 in Asian Russia: the unknown about the known (To mark the 100th anniversary of the Supreme Command on June 25, 1916)]. Moscow: Russkii impuls [in Russian].
- 26 (1927). *Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety i pokazaniia, dannye v 1917 godu chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva* [The fall of the tsarist regime. Stenographic reports and testimony given in 1917 by the extraordinary investigative commission of the Provisional Government]. Vol. VII. Moscow-Leningrad: Gosizdat [in Russian].
- 27 Piaskovskii, A.V. (1960). *Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane. Sbornik dokumentov* [Uprising in 1916 in Central Asia and Kazakhstan. Collection of documents]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR [in Russian].
- 28 Kenzhebaev, N.T. (1994). *Mobilizatsiia kazakhov na tylovyie raboty v gody Pervoi mirovoi voiny. Kazakhstan v nachale XX veka: metodologiia, istoriografiia, istochnikovedenie* [Mobilization of Kazakhs for front-line work during the First World War. Kazakhstan at the beginning of the 20th century: methodology, historiography, source knowledge]. Almaty: TUDAP [in Russian].
- 29 Tukesheva, N.M. (2017). Sobytiia 1916 goda v Uralskoi oblasti i Bukeevskoi orde kak chast natsionalno-osvoboditel'nogo dvizheniia kazakhskogo naroda [Events of 1916 in the Ural Region and the Bukey Horde as Part of the National Liberation Movement of the Kazakh People]. *Vestnik Zapadno-Kazakhstanskogo Universiteta — Bulletin of the West Kazakhstan University*, 3(67), 271–285 [in Russian].
- 30 (1991). *Vosstanie kirgizov i kazakhov v 1916 godu. Sbornik materialov* [The Uprising of the Kyrgyz and Kazakhs in 1916. Collection of materials]. Bishkek: Uchkun [in Russian].
- 31 Kozybaev, M.K. (1993). *Istoriia Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei (ocherk)* [History of Kazakhstan from Ancient Times to the Present Day (essay)]. Almaty: Izdatel'stvo «Daur» [in Russian].
- 32 Ganin, A.V. (2008). Posledniaia poludennaia ekspeditsiia Imperatorskoi Rossii. Russkaia armiia na podavlenii turkestanskogo miatezha 1916–1917 gg. [The Last Midday Expedition of Imperial Russia. The Russian Army in the Suppression of the Turkestan Rebellion of 1916–1917]. *Russkii sbornik — Russian Collection*, 152–214 [in Russian].
- 33 Bukeikhanov, A., & Chokaev, M. (1916). Zhumysshylar zhainan [From the workers' quarters]. *Gazeta «Qazaq» — Newspaper “Qazaq”*, 29 [in Kazakh].
- 34 Minzhurenko, A. Zemstvo — kak alternativa organam gosudarstvennoi vlasti [Zemstvo — as an Alternative to Government Bodies]. *rapsinews.ru*. Retrieved from https://rapsinews.ru/historical_memory_publication/20240220/309631892.html [in Russian].

- 35 Kovalev, P.A. (1957). *Tylovye rabochie Turkestana v gody Pervoi mirovoi voiny (1916 — mai 1917 gg.)* [Rear workers of Turkestan during the First World War (1916 — May 1917)]. Tashkent: Gosudarstvennoe izdatelstvo Uzbekskoi SSR [in Russian].
- 36 Ganin, A. (2016). Krovavyye uroki shestnadsatogo goda. Vosstanie 1916 g. v Semirechenskoj oblasti [Bloody lessons of 1916. The 1916 uprising in the Semirechye region]. *Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoricheskikh issledovanii — Journal of Russian and East European historical studies*, 91(7), 94–124 [in Russian].
- 37 Malabayev, S.K. (2016). Tragicheskie sobytia 1916 goda: mify i realnost [Tragic events of 1916: myths and reality]. *Tsivilizatsionno-kulturnye aspekty vzaimootnoshenii Rossii i narodov Tsentralnoi Azii v nachale XX stoletia (1916 god: uroki obshchei tragedii): sbornik dokladov Mezhdunarodnoi Nauchno-prakticheskoi konferentsii — Civilizational and cultural aspects of relations between Russia and the peoples of Central Asia at the beginning of the Peoples of Central Asia in the early twentieth Century (1916: Lessons from a Common Tragedy): collection of reports of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 198–208). T.V. Kotuikova (Comp.). Moscow [in Russian].
- 38 Kovalev, P.A. (1959). Epizody iz istorii vosstaniia 1916 goda v Turkestane (Delo Ferganskogo gubernatora generala Gippiusa) [Episodes from the history of the 1916 uprising in Turkestan (The case of the Fergana governor General Gippius)]. *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta — Transactions of the Central Asian State University*, 31, Issue 150, 3–36 [in Russian].
- 39 Asfendiarov, S.D. (1936). *Natsionalno-osvoboditelnoe vosstanie 1916 goda v Kazakhstane* [National liberation uprising of 1916 in Kazakhstan]. Alma-Ata-Moscow: Kazakhstanskoe kraevoe izdatelstvo [in Russian].
- 40 (1932). *Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii. Sbornik dokumentov* [The 1916 Uprising in Central Asia. A Collection of Documents]. Tashkent: Gosizdat UzSSR [in Russian].
- 41 (1926). K istorii vosstaniia kirgiz v 1916 g. S predisloviem A. Chuloshnikova [On the History of the Kyrgyz Uprising in 1916. With a Preface by A. Chuloshnikov]. *Krasnyi arkhiv — Red Archive*, Vol. 3(16), Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo [in Russian].
- 42 Gafarov, N.U. (2016). Khudzhand (Khodzhen) — kolybel sredneaziatskogo vosstaniia 1916 g. [Khujand (Khudzhen) — the Cradle of the Central Asian Uprising of 1916]. *Tsivilizatsionno-kulturnye aspekty vzaimootnoshenii Rossii i narodov Tsentralnoi Azii v nachale XX stoletia (1916 god: uroki obshchei tragedii): sbornik dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii — Civilizational and Cultural Aspects of Relations between Russia and the Peoples of Central Asia at the Beginning of the 20th Century (1916: Lessons of a Common Tragedy): Collection of Reports of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 50–62). Moscow [in Russian].
- 43 Lysenko, Yu.A. (2017). *Etropoliticheskie protsessy v tsentralnoaziatskikh okrainakh Rossii v period revoliutsii 1917 g.* [On the circular of the Ministry of Internal Affairs on the issue of the urgent start of the requisition of foreigners]. Barnaul: Izdatelstvo Altaiskogo universiteta [in Russian].
- 44 Shvarts, V. O tsirkuliare MVD po voprosu o srochnom nachale rekvizitsii inorodtsev [On the circular of the Ministry of Internal Affairs on the issue of the urgent start of the requisition of foreigners]. *daniyarov.kg*. Retrieved from <https://daniyarov.kg/2020/01/04/vladimir-shvarts-prestupnyy-cirkulyar-n-2> [in Russian].
- 45 Kovalev, P.A. (1954). Krizis kolonialnogo rezhima i "reformy" Kuropatkina v Turkestane v 1916 godu [Crisis of the colonial regime and Kuropatkin's "reforms" in Turkestan in 1916]. *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Central Asian State University], (57), 31–63 [in Russian].
- 46 (1933). Dzhizakskoe vosstanie 1916 g. S predisloviem A. Shestakova. *Krasnyi arkhiv* [The Jizzakh Uprising of 1916. With a Preface by A. Shestakov]. *Krasnyi arkhiv — Red Archive*, Vol. 60. Moscow: Sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo [in Russian].
- 47 Morrison, A. (2019). Refugees, Resettlement and Revolutionary Violence in Semirech'e after the 1916 Revolt. In A. Chokobaeva, C. Drieu, & A. Morrison (Eds.), *The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution* (pp. 209–226). Manchester University Press.
- 48 (2011). *Vosstanie 1916 goda v Kyrgyzstane. Sbornik dokumentov* [The 1916 Uprising in Kyrgyzstan. A Collection of Documents]. Bishkek: Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv KR [in Russian].
- 49 Suleimenov, B.S., & Basin, V.Ya. (1977). *Vosstanie 1916 g. v Kazakhstane (prichiny, kharakter, dvizhushchie sily)* [The 1916 Uprising in Kazakhstan (Reasons, Character, Driving Forces)]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 50 Shestakov, A.V. (1926). Vosstanie v Srednei Azii v 1916 g. (K desiatiletii sobytii) [The Uprising in Central Asia in 1916 (On the Tenth Anniversary of the Events)]. *Istoriik-marksist — Marxist Historia*, 2, 84–114 [in Russian].
- 51 Galuzo, P. (1929). Vosstanie 1916 g. v Srednei Azii. *Krasnyi arkhiv* [The 1916 Uprising in Central Asia]. *Krasnyi arkhiv — Red Archive*, Vol. 34, Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo [in Russian].
- 52 Madzhun, D.S. (2016). Tragicheskie posledstviia vosstaniia 1916 g. dlia Rossii i narodov Semirechia [Tragic Consequences of the 1916 Uprising for Russia and the Peoples of Semirechye]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seria Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia — Bulletin of Saratov University. History. International Relations*, 16, Issue 4, 406 [in Russian].
- 53 Chekaninskii I. (1926). *Vosstanie kirgiz-kazakov i kara-kirgiz v Dzhetyysuiskom (Semirechenskom) krae v iuile-sentiabre 1916 goda* [The Uprising of the Kirghiz-Cossacks and Kara-Kirghiz in the Dzhetyysu (Semirechye) Territory in July-September 1916]. Kzyl-Orda [in Russian].
- 54 GARF [State Archives of the Russian Federation]. — F. 1797. — Op. 1. — D. 307. — 1917 g. [in Russian].
- 55 GARF [State Archives of the Russian Federation]. — F. 6831. — Op. 1. — D. 444. — 1916-1917 gg. [in Russian].
- 56 Sokol, E. (2016). *The revolt of 1916 in Central Asia*. Baltimore: Johns Hopkins University Press

- 57 Lysenko, Yu.A., Demchik, E.V., Anisimova, I.V., & Bochkareva, I.B. (2017). Modernizatsiia i traditsionalizm skvoz prizmu sobytii vosstaniia 1916 g. v tsestralnoaziatskikh okrainakh Rossii [Modernization and traditionalism through the prism of the events of the 1916 uprising in the Central Asian outskirts of Russia]. *Bylye gody — Bylye Gody*, Issue 43, Part 1, 317–325 [in Russian].
- 58 Eleuov, T.E. (1957). *Ustanovlenie Sovetskoi vlasti v Kazakhstane* [Establishment of Soviet power in Kazakhstan]. Alma-Ata: Izdatelstvo Akademii Nauk KazSSR [in Russian].
- 59 Kozybaev, M.K. (1994). *Eshche raz o problemakh istorii natsionalno-osvoboditel'nogo dvizheniia-revoliutsii 1916 g. v Kazakhstane. Kazakhstan v nachale XX veka: metodologiya, istoriografiia, istochnikovedenie* [Once Again on the Problems of the History of the National Liberation Movement-Revolution of 1916 in Kazakhstan. Kazakhstan at the Beginning of the 20th Century: Methodology, Historiography, Source Studies]. Almaty: TUDAP [in Russian].
- 60 Bektugurova, R.S. (2007). *Obshchestvennoe dvizhenie v Stepnom krae v kontse XIX — nachale XX vv.* [Social Movement in the Steppe Region in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Extended abstract of doctor's thesis*. Omsk [in Russian].
- 61 Kostiukova, T.V. (2016). *Vosstanie 1916 g.: shtrikhi k istoricheskomu portretu* [Uprising of 1916: Touches to a Historical Portrait]. *Vosstanie 1916 goda v Turkestan: dokumentalnye svidetelstva obshchei tragedii: sbornik dokumentov i materialov — Uprising of 1916 in Turkestan: Documentary Evidence of a Common Tragedy: Collection of Documents and Materials*. Moscow, Mardzhani, 24–105 [in Russian].
- 62 Kappeler, R.A. (2000). *Rossiiia — mnogonatsionalnaia imperiia. Vozniknovenie. Istoriia. Raspad* [Russia — a multinational empire. Origin. History. Collapse]. Moscow: Progress-Traditsiia [in Russian].
- 63 1916 — prichiny vosstaniia i mif o genotside [Causes of the Uprising and the Myth of Genocide]. *stanradar.com*. Retrieved from <https://stanradar.com/news/full/4834-1916-prichiny-vosstaniia-i-mif-o-genotside.html> [in Russian].
- 64 GARF [State Archives of the Russian Federation]. — F. 102. — Op. 125. — D. 130. — Ch. 11. — 1916 g. [in Russian].
- 65 GARF [State Archives of the Russian Federation]. — F. 124. — Op. 42. — D. 129. — 1917 g. [in Russian].
- 66 Pochekaev, R.Yu. (2020). *Rossiiskii faktor pravovogo razvitiia Srednei Azii: 1717–1917. Yuridicheskie aspekty frontirnoi modernizatsii* [The Russian Factor in the Legal Development of Central Asia: 1717–1917. Legal Aspects of Frontier Modernization]. Moscow: Izdatelskii dom Vysshei shkoly ekonomiki [in Russian].

Сведение об авторе

Быков Андрей — д.и.н., Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0003-3466-7201>

Information about the author

Bykov Andrei — Doctor of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-3466-7201>